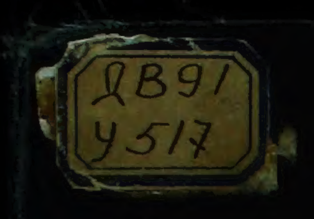

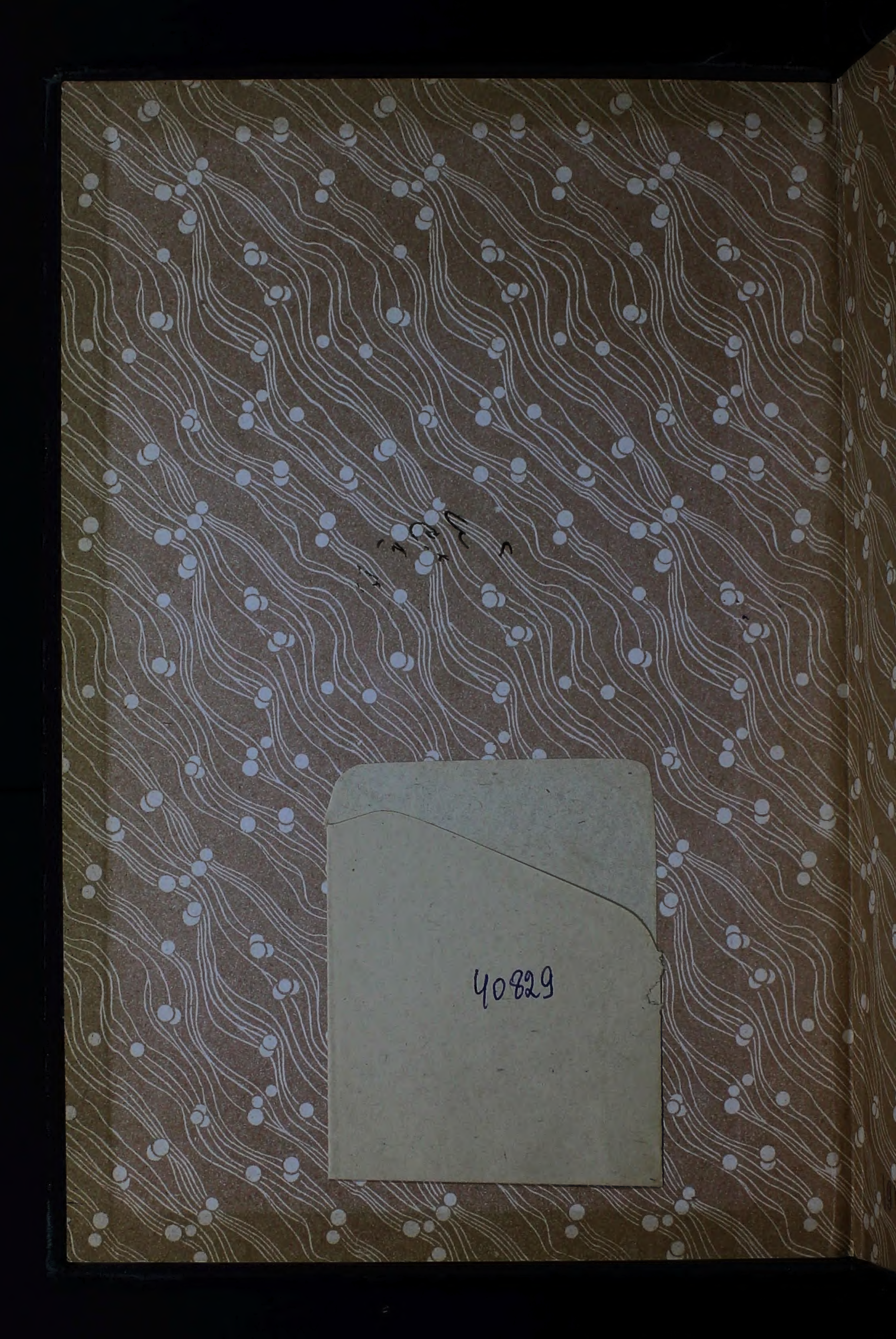
Л. УЛЬЯНИЦКІЙ.

Приамурскій Край

подъ скипетромъ Дома Романовыхъ

ЧАСТЬ I

40829

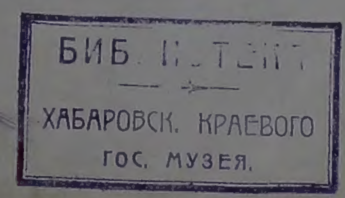
Данная книга Л. Ульяницкого, это отдельный оттиск из „Записки Приам. отд. императ. общества Востоковедения. 2-й год изд. вып. 2 1913 г. Хбр. 1913 г. Продолжение не последовало, т. к. вышли „Записки" только 3 выпуска.

28/X-81 г.

Приамурскій Край
подъ скипетромъ Дома Романовыхъ.

Въ текущемъ году исполнилось 300-тіе царствованія Дома Романовыхъ. Это обстоятельство особенно дорого для Приамурскаго Края. Заботами и мудрымъ правленіемъ Царей и Императоровъ Дома Романовыхъ не только присоединенъ къ Россіи этотъ когда то пустынный и дикій Край, но въ немъ брошены первыя сѣмена цивилизаціи, насаждена русская культура и государственность. Самый Край соединенъ съ сердцемъ Россіи дешевымъ и удобнымъ желѣзнодорожнымъ путемъ. Когда свистъ брянскаго паровоза, пишетъ англичанинъ Фрезеръ, разогналъ мрачную и дикую легенду о застланныхъ снѣгами сибирскихъ равнинахъ, могильную тишину которыхъ нарушалъ только вой волковъ и свистъ нагаекъ, да звонъ цѣпей каторжанъ, предъ глазами изумленнаго человѣчества открылась великолѣпная страна, обѣщающая обратиться въ житницу Стараго Свѣта, въ сплошную молочную ферму и безконечный паркъ. Для предпріимчивости русскихъ людей, такимъ образомъ, открылось новое поприще—громадныя, остававшіяся до тѣхъ поръ почти неизвѣстными земли, въ настоящее время по своимъ природнымъ богатствамъ привлекающія не только вниманіе Европейской Россіи, но и Западной Европы.

Знакомясь съ исторіей Края, мы все болѣе и болѣе убѣждаемся, что взоры Императоровъ Дома Романовыхъ все время были обращены на Востокъ,

къ берегамъ Тихаго океана. Прослѣдимъ это, начиная съ момента перваго появленія здѣсь русскихъ и до настоящаго времени.

До прихода сюда русскихъ, населеніе Края составляли тунгузскія народности. Тунгузское племя —особая разновидность расы монголоидовъ, широко раскинувшаяся по огромной территоріи отъ границъ Собственнаго Китая къ сѣверу до Ледовитаго океана и отъ береговъ Енисея на западѣ вплоть до побережья Сѣверо-Японскаго моря и включающая рядъ народностей различныхъ названій: маньчжуръ, солоновъ, дахуръ, собственно тунгусовъ, бираровъ, манегровъ и др. Родиной ихъ является безусловно Сѣверная Маньчжурія.

Прошлое тунгузскихъ народностей слишкомъ гипотетично. „Незапамятна та эпоха, когда племена, гонимыя силою могущественныхъ враговъ, оставили свое древнее отечество и пришли искать себѣ убѣжище на берегахъ Великаго Океана [1])".

Все это населеніе Приамурья до прихода сюда русскихъ дѣлилось на мелкія владѣнія и никогда [2]) не составляло собою сплоченнаго цѣлаго.

Вся эта масса тунгузскихъ народностей не имѣла никакого опредѣленнаго національнаго самосознанія и никогда не имѣла ни самостоятельнаго историческаго прошлаго, ни своего собственнаго литературнаго языка.

Все тунгузское населеніе, жившее въ нынѣшнемъ русскомъ Приамурьѣ, дѣлилось на множество племенъ или аймаковъ, каждый отдѣльный родъ имѣлъ своего владѣтельнаго князька.

На югѣ Маньчжуріи, гдѣ было замѣтно культурное вліяніе Китая, среди отдѣльныхъ владѣтельныхъ

---

[1]) Горскій. Начало и первыя дѣла Маньчжурскаго Дома.

[2]) Нѣтъ историческихъ данныхъ, указывающихъ на то, что тунгузскія народности, населяющія русское Приамурье, составляли когда нибудь единое цѣлое.

князьковъ выдѣляются личности, которыя, объединивъ вокругъ себя разрозненныя тунгузскія племена, основывали самостоятельное государство.

Изъ тунгузскихъ аймаковъ при Хоу-Ханьской династіи (3 вѣкъ по Р. Х.) выдѣлился Хэй-шуйскій аймакъ, жившій по берегу Амура. Въ VII вѣкѣ явилось племя Сун-мо, которое основало царство Бохай. Оно охватывало собою нынѣшнюю Маньчжурію и Уссурійскій Край. То, что осталось отъ періода господства бохайцевъ, до сихъ поръ еще не изслѣдовано. Въ смыслѣ національной литературы бохайцы ничего не оставили.

Процвѣтаніе Бохайскаго государства продолжалось съ половины VIII вѣка до 916 г., когда на его развалинахъ образовалось Царство Киданей, раньше кочевавшихъ въ низовьяхъ Амура. Это было могущественное государство, въ составъ котораго вошла вся Маньчжурія съ территоріей Бохайскаго царства. Китайскіе источники свидѣтельствуютъ, что государство Киданей было весьма культурное. Рѣчь ихъ, по мнѣнію приватъ-доцента СПБ. Университета В. Л. Котвича,[1]) была тунгузской. Кидани были первымъ народомъ, создавшимъ свою литературу. Глава Киданей Амбагань (умершій въ 727 г.) приказалъ своимъ чиновникамъ составить алфавитъ. Письменность была составлена Гусиномъ изъ китайскихъ іероглифовъ, откуда было взято до 3000 іероглифовъ. Вновь изобрѣтенное письмо было введено для офиціальныхъ сношеній и въ школахъ. Были изданы приказы, чтобы на этомъ языкѣ писались лѣтописи.

Благодаря просвѣщеннымъ администраторамъ, на этомъ языкѣ создалась богатая литература, но, къ сожалѣнію, литературныхъ памятниковъ этого періода до насъ не дошло.

---

[1]) Лекціи по исторіи маньчжурской литературы, читанныя студентамъ Восточнаго факультета СПБ. университета.

Въ 1125 году Кидани пали, и ихъ мѣсто заняли нюй-чжени, или чжурчжени [1]).

Покоривъ Киданей и завладѣвъ сѣвернымъ Китаемъ, нюй-чжени образовали огромную имперію. Во главѣ правленія стала династія Цзинь (золотая). Государи этой династіи отличались широкими умственными запросами. Этой династіей созданъ свой алфавитъ, причемъ за основаніе взяты іероглифы.

На чисто чжурчженскомъ языкѣ создалась богатая литература, которая, по словамъ В. Л. Котвича, хранилась въ Пекинской библіотекѣ. Какая судьба постигла эти книги, неизвѣстно. Быть можетъ, онѣ цѣлы, а, можетъ быть, погибли въ 1900 г.

Отъ господства Чжурчженей остались памятники, между прочимъ памятникъ съ надписями на чжурчженскомъ, китайскомъ и монгольскомъ языкахъ, найденный въ урочищѣ Тыръ, на берегу Амура.

Въ 1234 году династія Чжурчженей пала. Послѣ ея паденія на цѣлыхъ 400 лѣтъ прекратилось господство тунгусовъ.

Въ это время тунгузскія народности теряютъ занятое ими положеніе и попрежнему распадаются на множество аймаковъ.

Наконецъ, въ началѣ XVII столѣтія въ южной Маньчжуріи появляется талантливый полководецъ Нурхаци, который объединяетъ вокругъ себя разрозненныя тунгузскія племена, овладѣваетъ Китаемъ, и его сынъ даетъ Китаю Маньчжурскую династію.

Въ этотъ самый моментъ, когда въ Маньчжуріи объединились всѣ тунгузскія племена и овладѣли Китаемъ, на Амурѣ появляются въ качествѣ грозныхъ завоевателей русскіе казаки.

---

[1]) Народъ, давшій Китаю династію „Цзинь", собственно назывался чжули-чжени (чжурчжиты у монголовъ и мусульманскихъ писателей). Это слово искажено китайцами (а не другими народами) въ нюй-чжень. Имя чжурчжень сохранилось у восточныхъ писателей и въ монгольской исторіи Сананъ Сецена. Проф. А. В. Гребенщиковъ. Маньчжуры, ихъ языкъ и письменность. Стр. 7.

Впервые на Амурѣ русскіе, по словамъ арх. Петра,[1]) появляются въ началѣ XVII столѣтія. Это были охотники и промышленные люди, которые въ погонѣ за „пѣгой ордой“ дошли до береговъ Амура. Свое мнѣніе архимандритъ основываетъ на китайскихъ и маньчжурскихъ и сточникахъ. Это мнѣніе подтверждается и воспоминаніями албазинцевъ, потомковъ плѣнныхъ казаковъ, уведенныхъ въ Пекинъ въ 1685 году.

Вотъ что въ бытность мою въ Пекинѣ (въ 1909 году) говорилъ мнѣ командиръ русской роты Императорской китайской гвардіи. „Въ то время, когда маньчжуры не владѣли еще Китаемъ, три сѣверо-восточныя области составляли Маньчжурію. На сѣверъ отъ маньчжуровъ жили русскіе. Они были сосѣдями съ маньчжурами. Какъ тѣ, такъ и другіе охотились на соболей и соколовъ. Русскіе стрѣляли хорошо, маньчжуры плохо. Когда русскіе охотились, дичь падала замертво, маньчжуры могли только ранить дичь, а потому послѣдняя зачастую попадала на русскую границу и оставалась въ рукахъ русскихъ. При такомъ положеніи вещей происходили раздоры, нерѣдко доходившіе до убійствъ. Затѣмъ, когда маньчжуры овладѣли Китаемъ, русскіе въ мѣстности Якса на берегу Сахалянъ Ула[2]) построили городъ. Въ то время здѣсь уже много появляется русскихъ, занимающихся земледѣліемъ и рыбной ловлей“ [3]).

Основываясь на этихъ данныхъ, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что русскіе звѣровщики и разнаго рода вольные люди, завоевавъ всю Сибирь и дойдя до Нижне-Колымска и Охотскаго моря, теперь появились на Амурѣ въ царствованіе перваго Царя изъ Дома Романовыхъ Михаила Ѳеодоровича, еще

[1]) Арх. Петръ. Записка объ Албазинцахъ.
[2]) Маньчжурское названіе Амура.
[3]) Л. Ульяницкій. Албазинъ и Албазинцы.

до завоеванія маньчжурами Китая (1644 г.). Что касается организованныхъ казачьихъ дружинъ, явившихся въ качествѣ завоевателей, то появленіе ихъ нужно отнести ко второй половинѣ XVII столѣтія. При этомъ въ качествѣ завоевателей въ этомъ Краѣ первыми безусловно явились русскіе казаки, насадившіе здѣсь культуру и государственность.

Первыя свѣдѣнія объ Амурѣ русскіе казаки получили въ 1636 году отъ охотскихъ тунгусовъ. Отъ нихъ якутскіе казаки узнали о существованіи рѣки Мамму,[1]) какъ называли тунгусы рѣку Амуръ въ ея нижнемъ теченіи.

Верхнее же теченіе Амура среди тунгусовъ было извѣстно подъ названіемъ Силькаръ. Послѣднее названіе Амуру дано витимскими тунгусами, кочевавшими по Витиму. Отъ тунгусовъ казаки узнали, что этотъ край богатъ пушнымъ звѣремъ, металлами, скотомъ и хлѣбомъ.

Слухи о необыкновенныхъ богатствахъ Края заставили Якутскаго воеводу въ 1640 году снарядить въ заманчивую Даурію экспедицію подъ начальствомъ Бахтіарова. Послѣдній, собравъ ясакъ съ Витимскихъ тунгусовъ, вернулся въ Якутскъ, представивъ подробный чертежъ р. Витима. На Амуръ же онъ не проникъ. Счастье открыть Амуръ и принести о немъ первыя обстоятельныя свѣдѣнія выпало на долю Василія Пояркова. Послѣдній, будучи отправленъ въ 1644 году въ экспедицію на Амуръ, дошелъ до р. Зеи, по ней спустился до Амура, а затѣмъ по Амуру до его устья. Отсюда онъ вышелъ въ открытое море, дошелъ до устья р. Ульи, откуда вернулся въ Якутскъ. Онъ доставилъ въ Якутскъ первыя обстоятельныя свѣдѣнія объ Амурѣ и тунгузскихъ народностяхъ, населявшихъ Приамурскій Край. Такимъ

[1]) Тунгузскія народности и теперь называютъ Амуръ Мамми. Названіе Амуръ очевидно извращенное казаками тунгузское названіе Мамму.

образомъ, при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Амуръ былъ развѣданъ, изслѣдованъ. Заманчивая Даурія была открыта. Присоединеніе же его совершилось при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Царь Алексѣй Михайловичъ.

Послѣ экспедиціи В. Пояркова слухи о богатствахъ Амура разжигаютъ воображеніе русской вольницы, и у многихъ является желаніе испытать счастье въ Дауріи.

Нуженъ былъ только предпріимчивый организаторъ. Такимъ и явился Ерофей Хабаровъ. Эта личность была незаурядная. Онъ сумѣлъ желѣзной дисциплиной сковать подвластную ему вольницу, съ которой совершилъ рядъ блестящихъ походовъ, устанавливая русскую власть на Амурѣ. Весною 1651 г., предводительствуя 200 казаковъ, онъ дѣлаетъ смѣлый набѣгъ на Амуръ, отнимаетъ у Даурскаго князя Албазы городъ, основываетъ здѣсь острогъ и отсюда совершаетъ рядъ набѣговъ на Амурскихъ инородцевъ, облагая ихъ ясакомъ. Спустившись внизъ по Амуру, онъ, по словамъ Е. Т. Смирнова [1]), близъ устья р. Уссури столкнулся съ регулярными войсками Маньчжуръ, которые были посланы первымъ маньчжурскимъ богдыханомъ Шунь-чжи (1644—1662).

Бой былъ жаркій, но маньчжуры понесли большое пораженіе. На мѣстѣ сраженія пало 676 маньчжуръ, и побѣдители получили много трофеевъ, въ томъ числѣ двѣ пушки и 7 знаменъ. Это была первая блестящая побѣда русскихъ охочихъ людей надъ регулярными войсками.

Несмотря на блестящую побѣду, Хабаровъ долженъ былъ вернуться въ Якутскъ за подкрѣпленіемъ. Появленіе грозныхъ завоевателей привлекло на бере-

---

[1]) Е. Т. Смирновъ. Приамурскій Край на Амурско-Приморской Выставкѣ 1899 года.

га Амура вниманіе Маньчжурскихъ Императоровъ. Первый Маньчжурскій Императоръ Шунь-чжи рѣшилъ принять рѣшительныя мѣры противъ русскихъ. Чувствуя тяжелое положеніе казаковъ на Амурѣ, Ерофей Хабаровъ послалъ гонцовъ въ Якутскъ за помощью. Къ сожалѣнію, Якутскъ, не располагая достаточными силами, отказалъ въ помощи, и посланцамъ Хабарова пришлось отправиться въ Москву просить поддержки.

Московское правительство, узнавъ о фактическомъ присоединеніи Амура, твердо рѣшило закрѣпить его за Россіей. Оно рѣшило прежде всего упорядочить колонизацію Края, дѣло насажденія здѣсь русской культуры и государственности и принять цѣлый рядъ мѣръ, клонившихся къ образованію базы для регулярнаго Амурскаго войска. Послѣднее въ количествѣ 3000 чел. предположено было послать при первой же возможности.

Выполненіе намѣченныхъ Московскимъ правительствомъ мѣропріятій было поручено дворянину Зиновьеву[1]). Къ сожалѣнію, послѣдній не оказался на высотѣ призванія и не оправдалъ надеждъ правительства.

Въ 1653 году уполномоченный Царской властью Зиновьевъ прибылъ на Амуръ. Своимъ нетактичнымъ поведеніемъ въ отношеніи казаковъ и ихъ любимаго начальника онъ скоро возбудилъ непріязненныя отношенія со стороны первыхъ завоевателей и засельщиковъ Приамурья, а потому долженъ былъ вернуться въ Москву. Возвращаясь, онъ захватилъ съ собою и Хабарова, обвиняя его въ злоупотребленіи по службѣ Царской (въ утайкѣ царскаго жалованья, плохомъ обращеніи съ казаками и т. д.). Сначала въ Москвѣ Хабарова встрѣтили плохо, но потомъ за блестящіе подвиги на Амурѣ основатель Албазина былъ пожалованъ званіемъ боярскаго сына и назна-

[1]) Тимченко Рубанъ. Присоединеніе къ русскимъ владѣніямъ Приамурья

ченъ приказчикомъ на Лену. Такъ былъ награжденъ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ завоеватель Амура.

Передъ отъѣздомъ въ Москву Зиновьевъ на мѣсто Хабарова поставилъ Степанова. На долю послѣдняго выпали самыя неблагопріятныя условія. Дѣло въ томъ, что дауры и солоны, тѣснимые казаками, принуждены были оставить родныя мѣста и переселиться въ Маньчжурію[1]).

Благодаря ихъ бѣгству, отрядъ Степанова лишился возможности получать на мѣстѣ жизненные припасы. Это обстоятельство заставило его спуститься внизъ по Амуру, въ страну гиляковъ. Въ 1654 году Степановъ вошелъ въ Сунгари и началъ подыматься по ней вверхъ, но послѣ трехдневнаго путешествія по ней, уступая силѣ наступающаго врага, онъ принужденъ былъ вернуться въ Кумарскій острогъ. Непріятель, преслѣдуя его, ранней весной подошелъ къ Кумарскому острогу, со всѣхъ сторонъ обложивъ крѣпость. Степановъ съ честью выдержалъ осаду. Непріятель, понесши большой уронъ, удалился. Къ сожалѣнію, не имѣя въ достаточной мѣрѣ припасовъ, Степановъ принужденъ былъ оставить Кумарскій острогъ и спуститься внизъ по Амуру, къ берегамъ хлѣбной Сунгари, а оттуда въ низовье Амура, къ гилякамъ, которыхъ и обложилъ ясакомъ. Возвращаясь въ Албазинъ, Степановъ встрѣтилъ Маньчжурскій отрядъ военныхъ судовъ. Завязался жаркій бой. Въ этомъ бою какъ Степановъ, такъ и его подчиненные показали себя истинными героями, проявивъ во всей силѣ мощь русскаго народнаго духа.

Объ удивительномъ героизмѣ, проявленномъ Степановымъ, съ гордостью замѣчаетъ извѣстный сибирскій историкъ Спасскій: „Пали-ли они, какъ

[1]) И. А. Доброловскій. Сокращенное описаніе Хейлунцзянской провинціи.

истые герои съ оружіемъ въ рукахъ, или взяты въ плѣнъ, неизвѣстно. Эта храбрая дружина русскихъ живо напоминаетъ невѣдомыхъ ей спартанцевъ, павшихъ въ неравной битвѣ противъ полчищъ Ксеркса при Фермопилахъ. Почти то же число, 300 человѣкъ, было и у спартанцевъ, предводительствуемыхъ спартанскимъ царемъ Леонидомъ. Геродотъ узналъ всѣхъ ихъ имена, исторія съ уваженіемъ сохраняетъ память о великомъ подвигѣ, но имя Степанова забыто, сподвижники его неизвѣстны, и славныя дѣла ихъ сохраняются только въ полуистлѣвшихъ свиткахъ и преданіяхъ старины" [1]).

Обезпокоенный появленіемъ русскихъ на Амурѣ, первый Маньчжурскій императоръ Шунь-чжи присылаетъ въ Албазинъ цѣлое посланіе, въ которомъ требуетъ, чтобы „казаки не только подданнымъ его никакого безпокойства не чинили и ясака не собирали, но, разоряя Албазинъ и прочія крѣпости, ретировались". Однако, начальникъ города отвѣтилъ, что безъ Государева указа они не могутъ оставить острогъ. Въ концѣ концовъ, дѣло кончилось разрушеніемъ въ 1658 году Албазина.

Черезъ 8 лѣтъ Албазинъ снова былъ отстроенъ.

Въ то время появляется на берегахъ Амура бѣглый полякъ Никифорко Черниговскій. Онъ является первымъ культурнымъ дѣятелемъ на Амурѣ, его колонизаторомъ въ великомъ и истинномъ значеніи этого слова. Объединивъ вокругъ себя вольныхъ людей, онъ отстраиваетъ городъ Албазинъ и заводитъ пашни вокругъ города.

Узнавъ о полезной дѣятельности Никифора Черниговскаго и, желая закрѣпить за Россіей этотъ Край, Царь Алексѣй Михайловичъ посылаетъ на Амуръ лицъ разнаго состоянія за совершенныя преступле-

[1]) Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 1885 г. кн. II сказаніе о рѣкѣ Амурѣ, ст. 31.

нія. Ссыльные получали правительственную ссуду, земледѣльческія орудія (серпы, косы) и инвентарь. Благодаря заботамъ правительства Царя Алексѣя Михайловича, населеніе Приамурскаго Края росло, увеличивалось. Въ короткое время вокругъ Албазина возникъ цѣлый рядъ поселеній: Солдатово, Игнашино, Монастырщина и др. Въ это время вблизи Албазина іеромонахомъ Гермогеномъ была заложена обитель во имя Всемогущаго Спаса. Городу Албазину былъ пожалованъ гербъ орла съ распростертыми крыльями, держащаго въ когтяхъ лѣвой руки лукъ, правой стрѣлу. Тогда же въ Албазинѣ была получена печать съ надписью: „Великаго Государя Сибирскія земли, Албазинскаго Острога“. Такимъ образомъ, начиналась эпоха мирнаго завоеванія Края. Правительство старалось путемъ мирной политики закрѣпить за Россіей пріобрѣтенный русской вольницей Край. Съ этой цѣлью въ 1654 году былъ командированъ въ Китай Байковъ, но его посольство успѣха не имѣло въ виду незнанія имъ ни латинскаго (для объясненія съ іезуитами), ни восточныхъ языковъ [2]). Въ 1668 году въ Китай былъ отправленъ первый торговый караванъ, а въ 1670 году въ Нерчинскъ прибыли первые китайскіе купцы. Въ 1675 году правительство снаряжаетъ въ Китай богатое посольство. Во главѣ посольства Царь Алексѣй Михайловичъ ставитъ Спафари, который своими дарованіями и образованностью выдѣлялся среди русскихъ дипломатовъ [1]). Къ сожалѣнію, посылкой посольства въ Китай дѣло упорядоченія взаимныхъ отношеній между Китаемъ и Россіей ни на шагъ не подвинулось

[1]) „Сильные покровители (бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ), большія связи и знакомства среди представителей иностранныхъ государствъ при Московскомъ Дворѣ, а главное знаніе многихъ языковъ и незаурядныя способности Спафари остановили вниманіе Царя Алексѣя Иихайловича на немъ при выборѣ посла къ китайскому императору“. Записки Императорскаго Археологич. О-ва. III, стр. 195—196.

[2]) Проф. Кюнеръ. Газета „Далекая Окраина“ № 1799.

и всѣ спорные вопросы (о перебѣжчикахъ и казакахъ) оставались не рѣшенными и столкновенія съ китайцами избѣжать все-таки не удалось.

Въ 1676 году Царь Алексѣй Михайловичъ умеръ.

Царь Θеодоръ Алексѣевичъ.

Сынъ Алексѣя Михайловича продолжаетъ политику закрѣпленія за Россіей Амурскаго Края. Желая не только заселить Амурскій Край, но и насадить тамъ сильную въ экономическомъ отношеніи колонію, способную выдержать натискъ врага, Царь Θеодоръ Алексѣевичъ командировалъ на Амуръ Милованова.

Послѣднему Царемъ было поручено обстоятельно изслѣдовать запасъ и мѣстонахожденіе удобныхъ для землепашества земель. Этотъ первый на Амурѣ переселенческій чинъ съ честью выполнилъ возложенную на него задачу: по возвращеніи онъ представилъ правительству весьма обстоятельный докладъ съ подробными чертежами Амура, Зеи, Селемджи. Говоря о необходимыхъ мѣропріятіяхъ на Амурѣ, Миловановъ свой докладъ заканчиваетъ словами: „И если Ты, Великій Государь, изволишь на Зiѣ быть большимъ пашнямъ и заводамъ и городу, ино городу быть пристойно на Усть-Зiѣ въ стрѣлкѣ или ниже по Амуру“. Къ сожалѣнію, предположеніямъ Царя Θеодора Алексѣевича не суждено было осуществиться. Дѣло въ томъ, что Маньчжурскій императоръ Канъ-си, обезпокоенный появленіемъ русскихъ и ихъ усиленіемъ на Амурѣ, еще въ 1681 году отправилъ грозное посланіе въ Албазинъ къ старшинѣ Артемію съ требованіемъ оставить берега Амура. Казаки, какъ одинъ человѣкъ, отвергли заносчивое требованіе и поклялись защищать родной городъ до послѣдней капли крови. Между тѣмъ мѣстное начальство, сознавая серьезность положенія, обратилось за помощью въ Нерчинскъ, Тобольскъ и Москву.

Московское правительство, видя тяжелое положеніе Албазина, рѣшило съ одной стороны расширить власть и значеніе Албазина, съ другой увеличить его гарнизонъ, пославъ туда регулярный полкъ изъ казаковъ и охочихъ людей. Въ Албазинѣ тогда было предположено учредить воеводство Приамурскаго Края.

Московская смута (1682—1689).

Междоусобія въ Москвѣ отвлекли вниманіе правительства отъ Амура. Правительство, занятое внутренними дѣлами, не могло активно дѣйствовать на Дальнемъ Востокѣ, а между тѣмъ здѣсь назрѣвали серьезныя событія. Маньчжурскій императоръ Канъ-си, освободившись отъ страшнаго возмущенія внутри Китая и, конечно, возгордившись этой удачей, рѣшилъ нанести окончательный ударъ нашему владычеству на Амурѣ. Съ этой цѣлью было поручено Ланъ-таню, подъ видомъ охоты за сохатыми въ мѣстахъ солоновъ и дахуровъ, ознакомиться съ образомъ и характеромъ дѣятельности русскихъ на Амурѣ и подробно выяснить вопросъ о положеніи ихъ здѣсь, изслѣдовать самую мѣстность и водный путь по Амуру къ Албазину [1]). Ланъ-тань въ теченіе года производилъ развѣдку. Вернувшись, онъ представилъ богдыхану подробный отчетъ. Въ немъ онъ излагаетъ положеніе вещей на Амурѣ и представляетъ на Высочайшее усмотрѣніе планъ наступательной политики Китая. Убѣдившись въ возможности взять Албазинъ, богдыханъ издаетъ грозный указъ, согласно которому Ланъ-тань долженъ былъ смирить Лоча [2]). Боясь усиленія русскихъ на Амурѣ, и желая поскорѣе покончить съ ихъ владычествомъ тамъ, Канъ-си не

---

[1]) Записки Приамур. Отдѣла Императорскаго О-ва Востоковѣдѣнія. Выпускъ 1. Стр. 80.

[2]) Такъ тунгузскія народности и доселѣ называютъ русскихъ. Слово лоча, по мнѣнію проф. А. М. Позднѣева, представляетъ собою видоизмѣненіе санскритскаго слова ракша—чортъ. Такъ казаки были названы за ихъ лихіе набѣги.

пожалѣлъ издержекъ. Такъ, по словамъ Арх. Палладія, на Сунгари была прекрасно оборудована верфь, куда было направлено изъ собственнаго Китая $1^1/_2$ тысячи ссыльныхъ для постройки хлѣбосплавныхъ и военныхъ судовъ [1]). На сушѣ былъ построенъ цѣлый рядъ крѣпостей (Сахалянъ—хотонъ, Мергень, Цицикаръ), прекрасно былъ оборудованъ трактъ Цицикаръ—Мергень—Айгунь. Въ Маньчжуріи были сдѣланы огромные запасы провіанта. По Сунгари и Амуру сплавили множество пушекъ, набрали солдатъ не только изъ Маньчжуріи, но и изъ Собственнаго Китая. Подготовившись къ походу, Ланъ-тань двинулъ войска къ Албазину. Подойдя къ городу, онъ послалъ письмо на трехъ языкахъ (русскомъ, польскомъ и латинскомъ) воеводѣ Толбузину. Русскіе съ негодованіемъ отвергли предложеніе о сдачѣ. Воевода отвѣтилъ, что до послѣдней капли крови будетъ сражаться. Началась правильная осада Албазина. Гарнизонъ крѣпости, потерявъ сто человѣкъ убитыми, оборонялся камнями послѣ того, какъ у него вышелъ запасъ пороха и свинца [2]) Съ каждымъ днемъ дѣла становились хуже и хуже, надежда на отраженіе становилась все слабѣе. Въ это время къ воеводѣ Толбузину явилась депутація во главѣ съ «чернымъ попомъ»—іеромонахомъ Гермогеномъ [3]) и стала умолять воеводу вступить въ переговоры. Видя безуспѣшность неравной борьбы, и не надѣясь на скорую помощь изъ Нерчинска, вступилъ въ переговоры. Богдыханъ, по словамъ академика В. П. Васильева, опасаясь обвиненія въ начатой войнѣ, особенно если она приняла дурной оборотъ, велѣлъ напередъ обращаться съ русскими какъ можно ласковѣе, не дѣлать имъ никакого вреда, а предложить имъ вернуться

---

[1]) Архимандритъ Палладій. Дорожныя замѣтки Стр. 69.

[2]) Бантышъ Каменскій. Стр. 39.

[3]) Тимченко Рубанъ. Присоединеніе къ русскимъ владѣніямъ Приамурья. (Военный Сборникъ. 1909 г. № 8, стр. 186).

въ Якутскъ и Нерчинскъ или поступить къ нему въ подданство [1]).

Въ виду этого китайскіе военачальники, посовѣтовавшись между собою, пропустили весь гарнизонъ Албазина въ Забайкалье (въ 1685 г.). На предложеніе же Ланъ-таня принять китайское подданство согласилось только 45 человѣкъ [2]), остальные вернулись въ Нерчинскъ. По дорогѣ они встрѣтили запоздалое подкрѣпленіе подъ начальствомъ «плѣннаго нѣмца» Афанасія Бейтона. По оставленіи Албазина русскими, китайцы немедленно удалились къ Айгуну, не озаботившись даже уничтоженіемъ посѣвовъ вокругъ Албазина. Нерчинскій воевода Власовъ, «опасаясь Великихъ Государей гнѣву и опалы на себя и чтобы не потерять государской Даурской земли и побѣжной изъ Нерчинска славы не учинить" [3]), рѣшилъ вернуть служилыхъ и пашенныхъ людей на Амуръ, снять хлѣбъ въ Албазинѣ, не тронутый китайцами, и сдѣлать попытку вновь отстроить крѣпость Албазинъ, чтобы непріятелю было не въ уступку. По просьбѣ албазинцевъ къ нимъ былъ отпущенъ воеводой Алексѣй Толбузинъ. Вернувшись въ Албазинъ, крестьяне сняли хлѣбъ; Толбузинъ же съ ратными людьми отстроилъ крѣпость и «дровяной образецъ» отослалъ въ Москву Великимъ Государямъ. На слѣдующій годъ лѣтомъ (въ іюлѣ 1686 году) непріятель снова подступилъ къ Албазину и повелъ правильную инженерную атаку. Въ дѣйствіяхъ осаждающаго врага, по словамъ Г. Тимченко—Рубанъ [4]), на этотъ разъ проявилась удивительная методичность. „Есть много указаній, продолжаетъ онъ, на то, что операціями осаднаго корпуса руководили іе-

[1]) Академикъ Васильевъ. Русско-Китайскіе трактаты.

[2]) Л. Ульяницкій. Албазинъ и Албазинцы.

[3]) Приамурье. Приложеніе къ отчету общеземской организаціи за 1908 годъ, стр. 27.

[4]) Военный Сборникъ, за 1909 годъ. Тимченко—Рубанъ. Присоединеніе Приамурья къ русскимъ владѣніямъ.

зуиты". Профессоръ А. М. Позднѣевъ категорически заявляетъ: „мы можемъ смѣло говорить, что лишились тогда Албазина, благодаря ревностнымъ услугамъ іезуитовъ". Въ сентябрѣ воевода былъ смертельно раненъ и душой обороны сдѣлался полковникъ Афанасій Бейтонъ, который съ удивительной стойкостью отстаивалъ крѣпость. Китайцы, несмотря на всѣ усилія, не могли взять крѣпости и должны были довольствоваться тѣмъ, что обложили ее со всѣхъ сторонъ.

Между тѣмъ китайское правительство, начавъ войну противъ русскихъ, стремилось войти въ переговоры съ русскимъ правительствомъ для рѣшенія пограничныхъ вопросовъ. По словамъ академика В. П. Васильева, китайское правительство послало въ Москву предложенія не только чрезъ плѣнныхъ казаковъ (чрезъ Сибирь), но и чрезъ бывшее тогда въ Пекинѣ голландское посольство.

Русское правительство, сознавая всю трудность создавшагося на Амурѣ положенія и не имѣя возможности, въ виду неурядицъ въ Москвѣ, помочь казакамъ, снарядило посольство. Во главѣ посольства былъ поставленъ брянскій воевода Ѳеодоръ Алексѣевичъ Головинъ, пользовавшійся особымъ довѣріемъ Царя Петра Алексѣевича. По наказу, данному Головину Царемъ Петромъ Алексѣевичемъ, русскій посолъ долженъ былъ настаивать на слѣдующихъ пунктахъ: 1) „учинить рубежъ по Амуру, если китайцы того не захотятъ, то по р. Быструю, или Зею, а если и этого не захотятъ, то по Албазинъ съ тѣмъ, чтобы имѣть промыслы по Амуру, а если и этого нельзя, то тогда уже поступить военной рукой; 2) внушить китайцамъ, что Даурская земля, гдѣ построенъ Албазинъ и Нерчинскъ, никогда не составляла китайскихъ владѣній; и въ ней жили люди ясачные, платившіе дань Россіи, 3) тре-

бовать удовлетворенія за разрушеніе русскихъ остроговъ, или отказаться отъ него въ знакъ дружбы съ богдыханомъ; 4) учинить торговыя сношенія“ [1]).

9 августа 1689 года Головинъ прибылъ въ Нерчинскъ. Избравъ мѣстомъ переговоровъ Нерчинскъ, русскій посолъ допустилъ огромную ошибку. По мнѣнію академика В. П. Васильева, посольство, такимъ образомъ, привлекло непріятеля къ новому пункту, на который онъ и не думалъ нападать. Китайцы прекрасно поняли оплошность русскаго посла и постарались использовать моментъ. Прибывъ въ Нерчинскъ, въ сопровожденіи огромнаго войска, китайскіе послы предъявили чрезмѣрныя требованія. Головинъ сначала не соглашался на эти требованія китайскихъ уполномоченныхъ. Тогда китайцы рѣшили прибѣгнуть къ насилію, и ихъ войска начали военные маневры у Нерчинска, кромѣ того они, по словамъ С. М. Соловьева [2]) стали переманивать на свою сторону ясачныхъ людей—бурятъ и онкотъ.

«Видя китайскихъ пословъ многое упорство, измѣну бурятъ и онкотъ, боясь, чтобы по ихъ примѣру не измѣнили и тунгусы и не разорили всей даурской земли, не побрали бы всѣхъ ясачныхъ людей, кочующихъ у Байкала, усмотря совершенную склонность китайскихъ пословъ къ войнѣ, слыша отъ промышленныхъ и служилыхъ даурскихъ острожниковъ, что между Албазиномъ и Горбицей мало годныхъ земель къ поселенію, а промысловъ соболиныхъ и другихъ никогда въ тѣхъ мѣстахъ не бывало“,—Головинъ 23 авг. согласился поставить границей р. Горбицу [3]).

Многіе изслѣдователи обвиняютъ Головина въ малодушіи; говорятъ, что посолъ просто проявилъ слабость, чѣмъ воспользовались китайцы.

---

[1]) Проф. Кюнеръ. Новѣйшая исторія странъ Дальняго Востока. Стр. 25.
[2]) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ поръ до настоящаго времени. Т. 14. Стр. 1033.
[3]) Тамъ же, стран. 1027.

Академикъ Миддендорфъ [1]), обсуждая обстоятельства заключенія договора, прямо говоритъ, что бояринъ Головинъ просто струсилъ. Онъ обладалъ достаточными силами, чтобы дать должный отпоръ вооруженнымъ силамъ противника. Кромѣ того, по мнѣнію академика Миддендорфа, наша Амурская вольница была храбрѣе регулярныхъ маньчжурскихъ войскъ.

При такомъ положеніи вещей, если бы Головинъ не проявилъ малодушія, то результаты переговоровъ, по мнѣнію академика, были бы значительно выгоднѣе для Россіи.

Въ одномъ изъ современныхъ Головину документовъ встрѣчаемъ даже такую фразу: „окольничій, какъ примѣтно, оробѣлъ“ [2]).

Строго разбираясь въ историческихъ данныхъ, мы должны признать, что этотъ судъ слишкомъ строгій. Бояринъ Головинъ его не заслужилъ. Положеніе вещей было дѣйствительно серьезное. Дѣло въ томъ, что китайскіе полномочные послы подступили къ Нерчинску съ 15-ти тысячнымъ отрядомъ. Русскій же посолъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи всего около 3000 солдатъ. Если же мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что китайцы начали переманивать на свою сторону русскихъ ясачныхъ людей—бурятъ, тунгусовъ и онкотъ, то ясно станетъ, что положеніе было серьезное. Расчитывать же на подкрѣпленіе изъ Россіи было невозможно. Въ Москвѣ въ это время были неурядицы; кромѣ того, правительство было занято войной съ Турціей.

Принимая во вниманіе такое серьезное положеніе вещей, Головинъ рѣшается заключить Нерчинскій договоръ. 27 августа 1689 года договоръ былъ заключенъ и подписанъ обѣими сторонами. „Россіяне

[1]) Академикъ Миддендорфъ. „Путешествія на Сѣверъ и Востокъ Сибири“.

[2]) „Военный Сборникъ“, 1909 г. № 9, стр. 191.

несправедливымъ образомъ, перемогающей силой непріятеля, съ Амура вытѣснены, и что еще несправедливѣе,—насильственнымъ мирнымъ заключеніемъ рѣка Амуръ за китайцами осталась“, говоритъ Сибирская лѣтопись [1]).

Заключенный трактатъ не давалъ Россіи никакихъ выгодъ, будучи подписанъ подъ вліяніемъ настойчивыхъ требованій, а потому у Россіи онъ отнялъ всѣ территоріальныя пріобрѣтенія, не давъ ей ничего взамѣнъ. Для Россіи онъ мало представлялъ выгодъ. Академикъ Васильевъ, разбирая Нерчинскій договоръ, говоритъ: „Припоминая себѣ всю китайскую исторію, мы не находимъ въ ней ни одного подобнаго случая, чтобы подъ власть Китая не номинальную, а дѣйствительную, когда нибудь перешелъ хоть какой нибудь клочекъ земли, принадлежащій народу, который самъ себя не признавалъ подданнымъ Китая и не былъ имъ побѣжденъ. Теперь же въ руки его досталось огромное пространство земли, которую должны были очистить прежніе владѣльцы. Въ сохранившихся указахъ того времени богдыханъ прямо говоритъ, что русскіе „уступили“ огромное пространство земли. Это, кажется, служитъ лучшимъ доказательствомъ, что они не имѣли на нее никакого права“ [2]).

Какъ бы то ни было, фактъ совершился.

Согласно договору, граница на западѣ начиналась р. Аргунью, при этомъ остроги, находящіеся на южной ея сторонѣ, мы обязывались снести; далѣе, граница, идя по р. Аргуни на востокъ до соединенія ея съ Шилкой и далѣе до р. Горбицы, поворачивала отъ Амура къ его истоку и направлялась далѣе на востокъ по Хинганскому хребту до моря („и по самымъ тѣмъ вершинъ горъ протяненнымъ до моря“),

---

[1]) „Ежемѣсячныя сочиненія“. Октябрь 1757 г., стр. 328.

[2]) Академикъ В. П. Васильевъ. Русско-китайскіе трактаты.

причемъ большія и малыя рѣки, впадающія въ Амуръ и берущія начало съ нижнихъ склоновъ „каменныхъ горъ“, были признаны владѣніемъ Китая. Раіонъ же рѣкъ, берущихъ начало съ другой стороны тѣхъ же горъ—достояніемъ Россіи.

Слѣдствіемъ договора было то, что мы должны были оставить Амурскій Край, срывъ до основанія крѣпость Албазинъ.

Разбираясь въ статьяхъ Нерчинскаго договора, Тимченко-Рубанъ [1]) приходитъ къ заключенію, что лица, заключавшія договоръ, плохо знали географію Приамурскаго Края. Такъ, къ югу отъ Амура пограничной рѣкой была признана „Аргунь до самыхъ вершинъ“. Такимъ постановленіемъ, повидимому, устанавливались права Россіи на значительную часть Монголіи. Въ самомъ дѣлѣ, останавливаясь на этомъ выраженіи, мы должны границей признать Хинганъ, откуда вытекаетъ Аргунь, носящая монгольское названіе „Хайларъ“. По трактату, лѣвый берегъ Хайлара долженъ быть владѣніемъ Россіи. Слѣдовательно, часть Халхи, находящейся въ раіонѣ лѣваго берега Хайлара, должна была быть признана владѣніемъ Россіи.

Въ вопросѣ о границѣ къ сѣверу отъ Амура, также, по мнѣнію Тимченко-Рубанъ, цѣлый рядъ недоразумѣній. Все это лишній разъ подтверждаетъ мнѣніе, что маньчжуры и китайцы до появленія здѣсь русскихъ не знали Приамурскаго Края. Сюда они явились, только испуганные появленіемъ русскихъ на Амурѣ.

О неточностяхъ въ опредѣленіи границы къ сѣверу отъ Амура впервые поднялъ вопросъ знаменитый въ исторіи нашего Края Геннадій Ивановичъ Невельской[2]). Сущность его разсужденія кратко приведена въ интересной работѣ Тимченко-Рубанъ.

---

[1]) Военный Сборникъ 1909 г. стр. 193.

[2]) Вахтинъ. Адмиралъ Невельской и Амурскій Край.

По трактату, къ сѣверу отъ Амура наша граница съ Китаемъ шла по р. Горбицѣ, а отъ ея верховьевъ „каменными горами“ до моря, причемъ раіоны по рѣкамъ, впадающимъ въ Амуръ и берущимъ начало съ южныхъ склоновъ каменныхъ горъ, являлись собственностью Китая, а раіоны по р.р., впадающимъ съ другой стороны такихъ же горъ и впадающими неизвѣстно куда, частью были признаны владѣніемъ Россіи, а частью неразграниченными [1]).

Такимъ образомъ, раіонъ Уды безусловно былъ признанъ достояніемъ Россіи.

При разсмотрѣніи вопроса о границахъ, по мнѣнію Тимченко-Рубанъ, не надо забывать, что китайцы до самаго послѣдняго времени подъ Амуромъ всегда разумѣли часть этой рѣки отъ Усть-Стрѣлки до устья Сунгари. Въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, когда шла рѣчь объ устьяхъ Амура, въ дипломатическихъ нотахъ послѣ Амура въ скобкахъ писалась Сунгари. Это мнѣніе краснорѣчиво подтверждается имѣющейся въ моемъ распоряженіи нотой китайскаго трибунала внѣшнихъ сношеній по дѣлу объ убійствѣ купца Чеботарева [2]) въ устьѣ р. Сунгари. Тамъ говорится: „Сегодня, 5 луны, 15 числа, русскій человѣкъ Чебуловъ съ прочими пришелъ чрезъ устье Сахалянъ-Ула (Маньчжурское названіе Амура) въ уѣздъ трехъ фамилій (Иланъ Халай)“. Къ словамъ: „Сахалянъ-Ула“ имѣется примѣчаніе „Сунгари-Ула“.

При такомъ пониманіи раіона р. Амура, говоря о раіонахъ рѣкъ, впадающихъ въ Амуръ съ лѣвой стороны, китайцы временъ второй половины 17 столѣтія (при заключеніи трактата) имѣли въ виду лишь раіоны верховыхъ притоковъ Амура. Другими словами безспорнымъ владѣніемъ Китая къ сѣверу

[1]) Первое полное собраніе законовъ Россійской Имперіи. № 1346.

[2]) Дѣло Канцеляріи Амурскаго Губернатора за № 1472 объ убійствѣ купца Чеботарева въ 1859 году.

отъ Амура явилась по трактату только древняя Дарія съ границей по Становому хребту.

Теперь посмотримъ дальнѣйшую границу. По трактату она установлена „каменными горами" до моря—съ одной стороны, до р. Уды—съ другой. Уже одно ограниченіе рубежа по Становому хребту ясно показываетъ, что о границѣ по Становому хребту далѣе истоковъ Уды и рѣчи быть не могло. Продолженія каменныхъ горъ до моря слѣдуетъ искать въ другомъ или другихъ хребтахъ и будетъ самымъ правильнымъ остановиться на водораздѣлахъ Зеи и Уды (хребетъ Джургджургъ), Селемджи и Амгуни (хребетъ Ямалинъ), Буреи и Амгуни.

Невельской утверждалъ[1]), а затѣмъ свое мнѣніе подтвердилъ изысканіями на мѣстѣ, частью заявленіями маньчжурскихъ купцовъ, посѣщавшихъ въ его время устье р. Амура, что общее направленіе горъ отъ верховьевъ Уды, по которымъ надлежало пролегать границѣ, идетъ сначала по водораздѣламъ р.р. Буреи и Зеи съ одной стороны, Уды, Тугура, Амгуни и Горюна—съ другой, далѣе черезъ Амуръ и Сунгари по водораздѣлу между Сунгари и Уссури до Японскаго моря. Тогда ясно, что уѣзды Хабаровскій, Удскій и весь Уссурійскій Край принципіально принадлежали намъ еще по Нерчинскому договору.

Такое соображеніе, по мнѣнію Тимченко-Рубанъ, краснорѣчиво подтверждается тѣмъ, что всѣ племена, проживающія къ востоку и сѣверу отъ указаннаго направленія, никогда не зависѣли отъ Китая и ясака ему не платили, и Китай въ качествѣ сюзерена въ предѣлы южныхъ уѣздовъ нынѣшней Приморской области со временъ Нерчинскаго трактата не вторгался [2]).

[1]) Вахтинъ. Адмиралъ Невельской и Амурскій Край. Стр. 21. „Записки Г. И. Невельского" изд. Е. И. Невельской подъ редакціей Вахтина. 1878 г.

[2]) „Военный Сборникъ" 1909 г. Присоединеніе къ русскимъ владѣніямъ Приамурья.

Послѣ заключенія Нерчинскаго трактата Амурскій Край опустѣлъ почти на 200 лѣтъ. Въ теченіе этого времени, хотя охотники и разнаго рода вольные люди и продолжали въ погонѣ за пушнымъ звѣремъ спускаться внизъ по Амуру (къ устью), но это они дѣлали самовольно подъ опасеніемъ строгой кары. Правительство же, занятое дѣлами на западѣ, не желало нарушать добрыхъ отношеній съ Китаемъ. Не выступая на путь активной политики, правительство стремилось мирнымъ путемъ проложить путь къ Тихому океану. Со временъ царя Петра всѣ Россійскіе Императоры, посылая наказы въ Охотско-Камчатскій край, всегда дѣлали указанія „провѣдать тамошнія землицы“ и съ жителями оныхъ вступать въ торговыя сношенія.

Императоръ Петръ I.

Петръ I, вступивъ въ единоличное управленіе государствомъ въ 1689 году, весь отдался внутреннимъ преобразованіямъ и отраженію враговъ, наступающихъ съ запада. Внѣшнее положеніе Россіи въ то время было тревожное и тяжелое. Императоръ Петръ Первый со всею страстностью своей пылкой натуры взялся за управленіе государствомъ и твердо и энергично повелъ Россію по пути славы. Работая, не покладая рукъ, на западѣ, Петръ Великій не могъ активно дѣйствовать на востокѣ. Тѣмъ не менѣе зоркое око Императора было устремлено на Востокъ. Всеобъемлющій геній Петра I-го. не могъ мириться съ потерей Амура, представляющаго столько удобствъ къ сообщенію съ нашими владѣніями въ Восточномъ океанѣ и развитію нашего флота на единственномъ открытомъ для насъ океанѣ. Прекрасно сознавая всю тяжесть потери Амура, Императоръ прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы мирнымъ культурнымъ путемъ завоевать Приамурскій Край.

Онъ прежде всего старается нарождающуюся въ Восточной Сибири торговлю развить и поставить на прочную почву, стремится создать тамъ сильную въ экономическомъ отношеніи колонію въ той увѣренности, что экономическое завоеваніе повлечетъ за собой и политическое: за купцомъ пройдетъ и воинъ, и край, насильно отторгнутый Китаемъ, снова вернется подъ скипетръ Россіи. Въ «наказныхъ статьяхъ» въ 1696 году Нерчинскимъ воеводамъ Императоръ указываетъ на необходимость относится къ подданнымъ богдыхана съ большимъ береженіемъ и осторожностью, дабы избѣжать трудностей для нашихъ торговыхъ сношеній съ Китаемъ. Благодаря заботамъ Императора, торговыя сношенія съ Китаемъ развивались и добрыя отношенія крѣпли.

Желая развить прочныя отношенія съ Китаемъ, и тѣмъ самымъ дать возможность молодому, еще не окрѣпшему въ экономическомъ отношеніи, Краю спокойно развиваться, Петръ Великій снаряжаетъ посольства въ Китай.

Въ 1692 году Императоръ отправляетъ въ Пекинъ Эбергардта Избрандъ Идесъ съ цѣлью: 1) выяснить вопросы взаимной торговли, 2) испросить у богдыхана разрѣшеніе построить русскую церковь въ Пекинѣ и 3) предложить болѣе точное опредѣленіе границъ. Къ сожалѣнію, миссія закончилась неудачей. Посолъ не былъ допущенъ къ богдыхану, даже письмо Императора не было принято, на томъ основаніи, что въ немъ имя богдыхана было поставлено послѣ титула Русскаго Императора[1]).

√ Въ 1719 году Императоръ снаряжаетъ второе посольство подъ начальствомъ Измайлова, которому было поручено исходатайствовать: 1) согласіе китайскаго правительства на назначеніе 4-хъ консуловъ (одного въ Пекинъ и 3-хъ въ другіе города), 2) до-

[1]) Кюнеръ. Стр. 30.

биться дозволенія русскимъ купцамъ производить по всему государству свободную торговлю, отправлять товары по рѣкамъ и складывать ихъ на пристаняхъ, 3) рѣшеніе дѣлъ, возникшихъ между русскими и китайцами, предоставить Генеральному Консулу[1]).

Въ Пекинъ посольство прибыло 18 ноября 1720 г. Императоръ Канъ-си, узнавъ о прибытіи посла Императора Петра Великаго, о величіи котораго молва дошла до Китая, пожелалъ видѣть его посла. Пріемъ былъ очень милостивый. Императоръ Канъ-си не потребовалъ даже "кэ-тоу„ (колѣнопреклоненія). Во время пребыванія въ Пекинѣ русскій посолъ удостоился приглашенія принять участіе въ Императорской охотѣ. Словомъ, послу Петра Великаго было оказано столько вниманія, сколько доселѣ не было оказано ни одному иностранному послу. Несмотря на весьма доброжелательный пріемъ, успѣхъ миссіи былъ все-таки небольшой. Императоръ Канъ-си разрѣшилъ построить православную церковь въ Пекинѣ и оставить въ этомъ городѣ консульскаго агента для защиты русскихъ интересовъ. Назначенія же консуловъ въ другіе города и разрѣшенія плавать по рѣкамъ для торговыхъ сношеній добиться русскому послу не удалось.

Стремясь насадить русскую культуру и государственность въ этомъ дикомъ неустроенномъ Краѣ, Великій Императоръ стремился создать кадръ людей, подготовленныхъ для службы на Востокѣ.

Указомъ 18 іюля 1700 года требуетъ при назначеніи духовенства въ сибирскую митрополію выбирать кандидатовъ, знающихъ восточные языки. Въ 1712 году учреждаетъ въ Китаѣ православную духовную миссію съ весьма заманчивой цѣлью обратить въ христіанство весь китайскій народъ, при-

---

[1]) Чулковъ. Историческое описаніе Россійской коммерціи, т III, кн. II, стр. 29—32.

чемъ съ миссіей онъ отправляетъ въ Пекинъ 4-хъ мальчиковъ для обученія восточнымъ языкамъ.

Въ 1705 году Великій Императоръ при сенатѣ открываетъ школу восточныхъ языковъ съ преподаваніемъ японскаго языка [1]).

Немало заботъ было проявлено Императоромъ Петромъ Первымъ и въ отношеніи сѣверо-восточной окраины Сибири. Желая имѣть точныя свѣдѣнія о далекой окраинѣ, Великій Преобразователь Россіи въ 1719 году командируетъ двухъ геодезистовъ Евреинова и Лужина въ „Восточный уголъ государства" для описи береговъ Камчатки и Курильскихъ острововъ [2]). Далѣе по иниціативѣ Петра I-го, было снаряжено нѣсколько экспедицій. Имъ же задумано командированіе Беринга для изслѣдованія береговъ Камчатки, но осуществленіе этой мысли состоялось послѣ его смерти [3]).

Снаряженіе этой экспедиціи Великимъ Преобразователемъ было рѣшено еще въ 1717 году, во время пребыванія въ Голландіи, когда къ нему обратились съ этимъ вопросомъ голландскіе ученые. Нѣсколько позже съ тою же просьбой обратилась къ Петру и Парижская Академія наукъ. Отзывчивый преобразователь сочувственно отнесся къ ихъ просьбѣ, но политическія событія заставили его отложить выполненіе намѣченной задачи до 1725 года. 23-го декабря 1724 года онъ собственноручно написалъ слѣдующую инструкцію для Начальника Экспедиціи Витуса Беринга: 1) „надлежитъ на Камчаткѣ или въ другомъ тамъ мѣстѣ сдѣлать одинъ или два бота съ палубами, 2) на оныхъ ботахъ возлѣ земли, которая идетъ на Нордъ и по чаянью (понеже оной

---

[1]) Проф. Кюнеръ. „Далекая Окраина" 1913 г., № 1799.
Сгибневъ. Объ обученіи въ Россіи японскому языку.

[2]) Ульяницкій. Историческая справка. Газета „Выставка" № 1.

[3]) Чукчи и земля ихъ съ открытія этого края и до настоящаго времени. Журналъ М-ва В. Д. 1851 г. кн. VI.

конца не знаютъ), кажется, та земля часть Америки, 3) для того искать, гдѣ она сошлась съ Америкой: и чтобы доѣхать до какого города изъ Европейскихъ владѣній или ежели увидятъ какой корабль европейскій провѣдать отъ него, какъ оный кусть называютъ и взять на письмѣ и самимъ побывать на берегу и взять подлинную вѣдомость и, поставя на карту, пріѣзжать сюды" [1]).

Осуществленіе этой программы было совершено Берингомъ уже послѣ смерти Императора Петра I. -

Берингъ сухимъ путемъ отправился въ Охотскъ, куда прибылъ 30 іюля 1727 года, на третій годъ по отправленіи изъ Петербурга. Запасшись въ Охотскѣ провіантомъ и судами, экспедиція Беринга вышла изъ Охотска 22 августа и моремъ черезъ двѣ недѣли прибыла въ Большерѣцкъ. Отсюда экспедиція сухимъ путемъ направилась въ Нижне-Камчатскъ. Запасшись провіантомъ, Берингъ на выстроенномъ здѣсь ботѣ „Св. Гавріилъ" со всей экспедиціей 13 іюля 1728 года вышелъ изъ устья рѣки Камчатки въ море, держась сѣвернаго направленія. Проведя въ морскомъ плаваніи болѣе мѣсяца между незнакомыми берегами, Берингъ, на основаніи показаній чукчей, убѣдился, что далѣе берегъ простирается на западъ и что „стало быть нельзя Азіи соединиться съ Америкой"[2]). Считая свою миссію выполненной („Азія съ Америкой не соединяется"), экспедиція, боясь „попасть нечаянно въ ледъ", повернула назадъ. Въ Петербургъ Берингъ прибылъ 1 марта 1730 года. Вернувшись въ Петербургъ, Берингъ представилъ подробный отчетъ Экспедиціи, карты, докладъ о необходимости снаряженія новой экспедиціи для изслѣдованія сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ береговъ

[1]) „Записки Императорскаго Русскаго географическаго Общества" т. III; В. Н. Берхъ. „Первое Морское Путешествіе Россіянъ". „Первая Камчатская Экспедиція". „Записки Гидрографическаго Департамента", т. VIII.

[2]) Энциклопедическій словарь, изд. Брокгаузъ и Ефронъ. Берингъ.

Сибири. Таковы въ общемъ результаты „первой Камчатской экспедиціи", снаряженной Петромъ I.

Въ 1725 году Императоръ Петръ умеръ.

Преемники Петра I-го продолжали его политику на Востокѣ. Они съ одной стороны стремились путемъ дипломатическихъ сношеній обезопасить себя отъ наступательныхъ дѣйствій Китая, съ другой стороны старались закрѣпить за Россіей Сѣверо-Восточную Сибирь, для чего былъ снаряженъ цѣлый рядъ экспедицій, выяснившихъ истинное положеніе вещей въ Охотско-Камчатскомъ Краѣ и необходимость устраненія разнаго рода злоупотребленій.

Императрицей Екатериной I-й для улаженія спорныхъ вопросовъ съ Китаемъ былъ командированъ Иллирійскій графъ Савва Владиславовичъ Рагузинскій; при этомъ ему вмѣнялось въ обязанность утвердить торговлю на прочныхъ основаніяхъ и разрѣшить вопросъ о перебѣжчикахъ. 14 іюля 1727 года на р. Бура русскій полномочный посолъ заключилъ съ полномочными послами Китая Буринскій разграничительный трактатъ, ратификованный 20 августа 1727 года.

21 октября 1727 года имъ же былъ заключенъ Кяхтинскій торговый договоръ. Этимъ трактатомъ обѣ договорившіяся стороны обязывались свято и ненарушимо сохранять согласіе и устранять поводы къ нарушенію дружбы, дѣло же о перебѣжчикахъ прекратить. 3-ей статьей этого трактата устанавливалась русская граница съ Китаемъ, при этомъ пограничный пунктъ Кяхта былъ признанъ „мѣстомъ купечества обоихъ государствъ". Этимъ трактатомъ, такимъ образомъ, было положено начало нашей безпошлинной торговли съ Монголіей. Въ 4 статьѣ опредѣлялись права купечества: „будетъ свободное купечество между обѣими Имперіями, и число купцовъ не будетъ болѣе 200 человѣкъ, которые по каждыхъ трехъ лѣтахъ

могутъ приходить въ Пекинъ. И понеже они всѣ будутъ купцы, того ради имъ не дается кормъ и ни какая же пошлина ниже отъ продающихъ, ниже отъ покупающихъ возмется".

Такимъ образомъ, Кяхтинскимъ трактатомъ русскимъ купцамъ предоставлялось право съ одной стороны періодически отправлять караваны черезъ Ургу въ Пекинъ, съ другой стороны они получили право безпошлинной торговли въ двухъ пунктахъ—у Кяхты и у гор. Нерчинска.

Слѣдствіемъ трактата было развитіе торговли съ Китаемъ. Торговые обороты Кяхты съ каждымъ годомъ росли, и этой торговлей правительство весьма дорожило: это было любимое дѣтище, которое правительство старалось поддержать.

Устанавливая добрыя отношенія съ Китаемъ, Преемники Великаго Преобразователя, вѣрные его завѣтамъ, продолжали его дѣло въ Охотско-Камчатскомъ Краѣ.

Въ 1731 году подъ вліяніемъ неостывшей памяти Петра І-го была снаряжена вторая экспедиція Беринга. Въ организаціи этой экспедиціи приняла участіе только что основанная Академія наукъ. Снаряжая эту экспедицію, правительство, по словамъ Н. В. Слюнина [1]), имѣло въ виду рѣшеніе трехъ весьма важныхъ задачъ: 1) устройство управленія Охотско-Камчатскаго Края, 2) окончательное изслѣдованіе Америки и сѣверной части Тихаго океана и 3) ученое изслѣдованіе Сибири, въ частности Камчатки.

Исполненіе первой задачи было поручено Скорнякову-Писареву. Ему было дано указаніе „стараться, дабы это, яко новое мѣсто, съ добрымъ порядкомъ къ пользѣ и прибылѣ Государственной приведено было". Разсматривая инструкцію, данную Скорнякову, мы убѣждаемся, что правительство твердо

[1]) Н. В. Слюнинъ. Охотско-Камчатскій край, т. 1 стр. 46.

рѣшило сдѣлать Охотскъ морскимъ портомъ, почему для заселенія Охотскаго Края было послано 300 семей, штурмана, ластовые мастера, матросы и громадные запасы провіанта; кромѣ того отправлено сюда было 30 семей якутовъ [1]). Берингу поручалось Адмиралтействъ Коллегіей имѣть главный надзоръ за устройствомъ Охотскаго порта.

Къ сожалѣнію, Скорняковъ-Писаревъ не оправдалъ довѣрія. По словамъ Н. В. Слюнина [2]), Писаревъ, несмотря на широкое образованіе и выдающіяся способности, по прибытіи въ Охотскъ, предался пьянству и разврату, совершенно не думая о дѣлахъ государственныхъ. Всѣ приготовленія къ устройству порта, самая постройка зданій и порта были начаты помощникомъ Писарева, но работы шли очень медленно.

Объ этомъ Берингъ доносилъ (31 декабря 1734 года) Адмиралтействъ Коллегіи: „что не только въ Охотскѣ люди и хлѣбъ умножены или пристойные суды и заведенія строить начаты, но и мастеровые были задержаны Скорняковымъ въ Якутскѣ“.

Писаревъ былъ уволенъ и дѣло созданія порта было поручено Указомъ Императрицы Анны Іоановны (13 апрѣля 1739 года) Девіеръ. Энергичный и въ высшей степени порядочный новый начальникъ Охотско-Камчатскаго Края съ любовью принялся за приведеніе дѣлъ въ порядокъ. Онъ съ честью выполнялъ возложенныя на него порученія. Въ 1741 году портъ и городъ Охотскъ уже были отстроены. Въ первомъ находилось 33 обывательскихъ дома, пять казармъ, 6 магазиновъ и кузница, во второмъ находились зданія казармъ, 40 обывательскихъ домовъ, три мастерскихъ, 5 лавокъ, 5 амбаровъ, церковь и школы. По его распоряженію на Камчаткѣ были открыты первыя школы.

---

[1]) Н. В. Слюнинъ. Охотско-Камчатскій Край, т. 1, стр. 49.
[2]) То же, стр. 52.

Вторая половина 2-й Камчатской Экспедиціи была академическая, научная.

Организована она была на широкихъ началахъ.

Въ составъ Экспедиціи вошли профессоръ зоологіи Гмелинъ, профессоръ исторіи Миллеръ, студенты академіи наукъ Крашенинниковъ и Зуевъ, 4 землемѣра, переводчикъ Яхонтовъ, чертежникъ, живописецъ, горные практиканты и студенты Московской духовной академіи. Члены этой экспедиціи были всѣ люди молодые, которые, по словамъ Пыпина [1]), съ великой ревностью отдались своему дѣлу и, несмотря на трудность работы, собрали богатый матеріалъ. Эта экспедиція своими изслѣдованіями обогатила науку новыми свѣдѣніями о Сибири.

Построивъ въ Охотскѣ суда, Берингъ въ 1740 г. пошелъ въ Авачинскую губу, гдѣ положилъ основаніе Петропавловску, а въ слѣдующемъ году поплылъ съ Чириковымъ къ берегамъ Америки [2]). Во время плаванія открытъ былъ рядъ острововъ въ Курильской и Алеутской группахъ и острова Командорскіе.

Лейтенантъ Лаптевъ глазомѣрно снялъ западный берегъ Камчатки отъ Колымы до Шелагскаго носа, а студентъ С.-Петербургской академіи наукъ Крашенинниковъ и адъюнктъ той же академіи Штеллеръ научно изслѣдовали южную часть Камчатки на сѣверъ до Анадыря, представивъ затѣмъ цѣнныя наблюденія физико-географическія, климатическія, этнографическія и по вопросамъ естествознанія. Результатомъ научныхъ работъ этихъ двухъ ученыхъ явились труды Крашенинникова „Описаніе земли Камчатки" и Штеллера „Beschreibung von dem Lande Kamschatka" [3]) Самъ же Берингъ не дожилъ до окончанія экспеди-

---

[1]) Пыпинъ. „Исторія Русской Этнографіи". Т. IV. стр. 224.

[2]) Такъ какъ суда, на которыхъ прибыли въ Авачинскую губу Берингъ и Чириковъ, носили названія „Петръ" и „Павелъ", то и портъ получилъ названіе: „Петропавловскій".

[3]) Журналъ Мин. Вн. Дѣпъ. С.-Петербургъ, 1856 г., кн. VI. „Чукчи и ихъ земля".

ціи—онъ умеръ отъ цынги на островѣ своего имени.

По словамъ Н. В. Слюнина, [1]) пребываніе экспедиціи на Камчаткѣ помимо того, что дало намъ первыя научныя свѣдѣнія о Камчаткѣ, не осталось безслѣднымъ для ея внутренней жизни: тамъ начало развиваться скотоводство отъ пары лошадей и рогатаго скота, доставленныхъ сюда Павлуцкимъ (1837 г.); Крашенинниковъ завелъ огороды, кромѣ того сюда были переселены Илимскіе крестьяне, „чтобы пахоту и хлѣба размножать“; въ Большерѣцкѣ была открыта первая школа; для церквей (три) была доставлена утварь и присланы священники.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины II-й, для рѣшенія вопроса о нашихъ владѣніяхъ въ сѣверныхъ водахъ, по представленію Сибирскаго губернатора Чичерина и по повелѣнію Императрицы, капитаны Криницынъ и Левашевъ были командированы (1766 г.) къ Алеутскимъ островамъ. Эта экспедиція была неудачна и положительныхъ результатовъ не дала. Правительство рѣшило снарядить вторую экспедицію.

Въ 1785 году Императрицей Екатериной II-й для изслѣдованія сѣверо-восточной части Сибири былъ командированъ капитанъ Билингсъ. Плодомъ этой экспедиціи была карта сѣверо-востока Сибири и много разнаго рода географическихъ свѣдѣній, которыя были изданы капитаномъ Сарычевымъ [2]).

Желая сдѣлать Камчатку менѣе зависимой въ продовольственномъ отношеніи отъ Иркутска, Императрица Екатерина II-я стремится создать здѣсь земледѣліе, огородничество и скотоводство. Съ этой цѣлью на Камчатку были переселены крестьяне съ

[1]) Охотско-Камчамчатскій Край, стр. 60.

[2]) „Путешествіе капитана Билингса черезъ Чукотскую землю“, изд. Сарычевымъ С.-Петербургъ, 1811 г. „Путешествіе капитана Сарычева по сѣверо-восточной Сибири“. Имѣется описаніе этого путешествія и на англійскомъ языкѣ, при чемъ это изданіе снабжено хорошими снимками. An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia, performed by commondore Joseph Billings in the years 1785—1794 г.г. narrated from the original papers by Martin Saur, secretary to the expedition.

рогатымъ скотомъ, лошадьми и земледѣльческимъ орудіемъ. Этихъ крестьянъ, по словамъ В. Войтъ[1]), поселили въ двухъ деревняхъ Миньково (у устья рѣки Камчатки) и Ключевской (у Ключевской сопки). Сначала они занялись земледѣліемъ и хлѣбъ у нихъ родился прекрасно, но затѣмъ они, увлекшись пушнымъ промысломъ, бросили земледѣліе.

Свѣдѣнія, добытыя научными экспедиціями, скоро сдѣлались достояніемъ и торговаго міра. Купечество, узнавъ о пушныхъ богатствахъ Камчатки и прилегающихъ къ ней острововъ, начинаетъ проявлять усиленную дѣятельность. Изъ такихъ предпринимателей особенно выдѣлился своей энергіей и предпріимчивостью Шелиховъ. Онъ на свой счетъ снаряжаетъ въ Охотскѣ три судна и въ августѣ въ 1783 году пускается въ плаваніе; путешествіе его было весьма счастливо. Ему удалось, достигши Алеутскихъ острововъ, укрѣпиться тамъ и объявить ихъ достояніемъ Россіи. Основавшись на островѣ Кадьякъ, онъ вмѣстѣ съ купцомъ Голиковымъ организовалъ большое предпріятіе для эксплоатаціи богатствъ Тихаго океана. Наладивъ дѣло, онъ возбудилъ ходатайство о дарованіи коммерческой компаніи ряда привилегій, изъ которыхъ самыми существенными были: выдача субсидіи въ 200.000 руб., утвержденіе за ней монопольныхъ правъ на эксплоатацію морскихъ промысловъ на Алеутскихъ островахъ и на побережьѣ Аляски и назначеніе воинской команды для охраны[2]). Правительство энергично поддерживало это ходатайство, но Императрица Екатерина II посмотрѣла на дѣло иначе: просьбу она не нашла отвѣчающей интересамъ государства, а потому какъ въ монополіи, такъ и въ субсидіи правительства отказала. Тѣмъ не менѣе, желая поощрить русскихъ предпринимателей,

[1]) В. Войтъ. „Камчатка и ея обитатели".
[2]) Тимченко-Рубанъ. „Присоединеніе Приамурья къ русскимъ владѣніямъ". Стр. 162.

повелѣла даровать имъ серебряныя шпаги и медали, а также похвальныя грамоты Сената. Въ Императорскомъ Указѣ по этому поводу говорилось, что награды даются „въ вознагражденіе усердія упомянутыхъ купцовъ, къ пользѣ государственной оказаннаго, за распространеніе открытія неизвѣстныхъ земель и народовъ и веденіе съ ними торговыхъ промысловъ“ [1]).

Въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины организовалась Русско-Американская компанія [2]).

Въ царствованіе Императора Павла I-го, 8 іюля 1799 г., она была принята подъ непосредственное покровительство Государя Императора, и ей были даны монопольныя права на „матерой землѣ Сѣверо-Западной Америкѣ“, на островахъ Алеутскихъ и Курильскихъ и во всей части сѣверо-восточнаго моря[3]).

Императорскимъ Указомъ 27 декабря того же года „Р.-А. К.“ предоставлено было: 1) пользоваться въ раіонѣ ея дѣйствій всѣми дарами природы какъ на поверхности, такъ и въ ея нѣдрахъ; 2) пользоваться всѣмъ, что ею было отыскано, и впредь отыщется; 3) заводить гдѣ угодно поселенія и укрѣплять ихъ; 4) торговать съ кѣмъ угодно и какъ угодно; 5) пользоваться казеннымъ лѣсомъ по берегамъ Великаго Океана; 6) получать изъ складовъ порохъ.

Александръ I.

Чѣмъ дальше развивалось правильное устройство Сибири, тѣмъ чувствительнѣе становилась потеря Амура; чѣмъ болѣе развивалась торговля на Востокѣ, тѣмъ болѣе сознавалось и правительствомъ и обществомъ огромное для насъ значеніе его и необходимость во что бы то ни стало возсоединить съ Россіей Амурскій Край.

---

1) Тимченко-Рубанъ.

2) Тихменевъ. „Историческое обозрѣніе Русско-Американской Компаніи“ 1861 годъ.

3) „Тимченко-Рубанъ“, стр. 164.

Стремясь рѣшить Амурскій вопросъ, Императоръ Александръ I въ 1803 году поручаетъ Крузенштерну, отправляющемуся въ кругосвѣтное путешествіе, изслѣдовать устье Амура и описать берега Сахалина и Охотскаго моря.

Кромѣ того, Императоръ, желая добиться плаванія по рѣкѣ Амуру мирнымъ путемъ, такъ какъ обстоятельства на западѣ не позволяли ему силой поддержать требованіе, въ 1805 году командируетъ въ Китай графа Головкина. Въ инструкціи, данной (28 іюня 1805 года) Головкину, ясно опредѣлялись задачи посольства: 1) добиться права торговли по всей русской границѣ, 2) собрать свѣдѣнія о судоходствѣ по Амуру и возможности достигнуть по рѣкѣ Охотскаго моря, 3) испросить позволенія пользоваться рѣкою для сообщенія и устроить въ устьѣ Амура склады товаровъ, 4) испросить согласіе китайскаго правительства на право Россіи держать агента въ устьѣ Амура [1]).

Къ сожалѣнію, это посольство не достигло Пекина. Наглый Ургинскій пограничный начальникъ не пропустилъ нашего посла въ Пекинъ. Будучи занято дѣлами на западѣ, гдѣ въ это время Наполеонъ велъ европейскія войны, правительство не могло выступить въ защиту своихъ правъ.

Въ силу необходимости нужно было дѣйствовать дипломатическимъ путемъ. Вынужденное итти этимъ путемъ, правительство въ 1810 году уполномачиваетъ на веденіе переговоровъ съ Китаемъ генералъ-губернатора Трескина. Ему также поручалось поднять вопросъ о предоставленіи русскимъ права судоходства по Амуру, но, къ сожалѣнію, и эта попытка не имѣла успѣха.

Въ царствованіе Александра было снаряжено нѣсколько экспедицій для описанія береговъ сѣверо-восточной Сибири.

---

[1]) Проф. Кюнеръ. Исторія странъ Дальняго Востока. Стр. 54.

Въ 1804 году Камчатку посѣтилъ путешественникъ Крузенштернъ, въ 1808 г. Головинъ и докторъ Шперъ. Послѣдній специально былъ командированъ для искорененія венерической болѣзни.

Въ 1820 году была послана экспедиція подъ начальствомъ барона Врангеля. Послѣднимъ изслѣдованъ бассейнъ р. Колымы и Чукотскій полуостровъ, собраны богатыя этнографическія (о юкагирахъ, ламутахъ, чуванцахъ, тунгусахъ), географическія и естественно-историческія данныя [1]).

Въ 1826 году съ цѣлью описанія юго-восточныхъ береговъ Камчатки былъ командированъ капитанъ Литке.

Литке прекрасно выполнилъ возложенную на него задачу. Изслѣдованіе Края произведено имъ вполнѣ добросовѣстно. Особенно интересны его изслѣдованія чукчей [2]).

Всѣ эти экспедиціи съ одной стороны научно изслѣдовали Край, съ другой—обнаружили тяжелое положеніе инородцевъ и злоупотребленія администраціи.

Въ виду этого въ 1812 году, по Высочайшему повелѣнію, подъ предсѣдательствомъ Пестеля былъ организованъ особый Комитетъ, которому было поручено заняться дѣлами управленія Камчатки и Охотскаго Края, причемъ главной цѣлью было поставлено, чтобы Петропавловскій портъ былъ сдѣланъ сосредоточеніемъ нашихъ морскихъ силъ въ Тихомъ океанѣ [3]).

Комитетъ, будучи составленъ изъ людей, знающихъ Край (Крузенштерна, Адмирала Сарычева и др.),

[1]) О результатахъ экспедиціи баронъ Врангель подробно трактуетъ въ сочиненіи „Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и Ледовитому океану въ 1820—1824 г.г.". Кромѣ того, имѣются отдѣльныя статьи участника экспедиціи доктора Кибера въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ" за 1823 и 1824 г.г.

[2]) „Путешествіе вокругъ свѣта на военномъ суднѣ „Сенявинѣ" въ 1826 году флота капитана Литке". С.-ПБ. 1834 г.

[3]) Н. В. Слюнинъ. Охотско-Камчатскій Край. Стр. 80.

подробно занялся дѣлами Камчатки. Работы Комитета окончательно выяснили печальное положенiе страны и жителей, что дало толчекъ къ преобразованiю Камчатскаго управленiя.

Согласно Высочайше утвержденному Положенiю Комитета, портъ Петропавловскiй былъ преобразованъ, и его сдѣлали сосредоточенiемъ нашихъ силъ въ Восточномъ океанѣ. Начальникомъ же порта назначили капитана Рикорда, раньше бывшаго на полуостровѣ съ Головнинымъ. Послѣднiй говоритъ [1]), что Рикордъ принялъ предложенiе единственно изъ соболѣзнованiя къ бѣднымъ жителямъ.

Пятилѣтняя дѣятельность этой свѣтлой личности, по словамъ Н. В. Слюнина [2]), была посвящена заботамъ о нуждахъ и благоустройствѣ Края. Имъ въ это время открыты были лѣчебницы, школы, построены церкви. Заботясь о духовныхъ интересахъ населенiя, культурный администраторъ немало усилiя прилагалъ къ тому, чтобы уничтожить существовавшiя голодовки населенiя, развить торговлю, охранить береговыя воды отъ хищнической дѣятельности иностранныхъ китобоевъ.

Глубоко-культурная дѣятельность Рикорда обратила на себя Высочайшее вниманiе. Насколько цѣнилъ Императоръ Александръ I-й дѣятельность его, видно изъ того, что его преемнику Высочайшимъ указомъ повелѣвалось: „при управленiи Камчатской областью соображаться правиламъ флота капитана Рикордъ и воздержаться отъ всякихъ перемѣнъ“ [3]).

Въ 1817 году въ Восточную Сибирь назначаютъ Генералъ-Губернаторомъ одного изъ самыхъ видныхъ дѣятелей Александровской эпохи Сперанскаго.

Будучи человѣкомъ высокообразованнымъ, онъ

---

[1]) „Путешествiе вокругъ свѣта въ 1807—1809 г.г.“ 3 ч. С.-ПБ. Зимованiе на Камчаткѣ 1809—1810 г.т.

[2]) Н. В. Слюнинъ. „Охотско-Камчатскiй Край“. Стр. 81.

[3] Н. В. Слюнинъ. „Охотско-Камчатскiй Край“. Стр. 81.

со свойственной ему энергіей изучаетъ жизнь Восточной Сибири, обнаруживаетъ массу дефектовъ въ управленіи Сибирью и представляетъ на Высочайшее благоусмотрѣніе новые штаты управленія. Въ 1822 году эти штаты были Высочайше утверждены. Эта реформа коснулась и Охотско-Камчатскаго Края. Въ Охотскѣ и Гижигѣ было введено гражданское управленіе, были назначены врачи, лѣкарскіе ученики и мировой судья.

Въ 1825 году умеръ Императоръ Александръ І-й.

Императоръ Николай І-й.

Императору Николаю І-му выпала счастливая доля—фактически возсоединить съ Россіей Амурскій Край безъ единой капли крови.

Ученыя экспедиціи, посылаемыя въ Охотско-Камчатскій Край, убѣдили правительство, что жизнь этого Края не можетъ развиваться безъ Амура.

Вопросъ объ Амурѣ—это вопросъ жизни и смерти Края. Съ развитіемъ жизни на Камчаткѣ, возникновеніемъ портовъ Петропавловска и Охотска и учрежденіемъ Русско-Американской Компаніи явилась потребность въ частыхъ сношеніяхъ съ центромъ Восточной Сибири—Иркутскомъ. Между тѣмъ, сухопутный трактъ былъ плохо оборудованъ, и путешествія по этому слишкомъ длинному пути были крайне затруднительны. Морское же путешествіе также было слишкомъ большое и опасное.

Чѣмъ больше развивались наши торговыя сношенія въ Тихомъ океанѣ, тѣмъ сильнѣе ощущалась необходимость вернуть Амуръ, правительство все болѣе и болѣе убѣждалось, что безъ Амура трудно владѣть Восточной Сибирью.

Съ двадцатыхъ годовъ XIX вѣка въ водахъ Тихаго океана появляются иностранныя, преимущественно американскія, суда, которыя занимались у

нашихъ береговъ боемъ китовъ. Это обстоятельство заставило правительство отнестись серьезно къ рѣшенію Амурскаго вопроса.

Въ 1842 году Академія Наукъ командируетъ академика Миддендорфа. Послѣдній отнесся къ своей задачѣ серьезно и доставилъ Академіи Наукъ богатѣйшій матеріалъ для познанія отдаленной окраины.

Результаты своихъ изслѣдованій академикъ изложилъ въ своемъ сочиненіи „Путешествія на Сѣверъ и Востокъ Сибири“, гдѣ весьма талантливо описалъ Амурскій Край Это художественное описаніе Амурскаго Края заставило Императора Николая обратить вниманіе на Амуръ.

Заинтересовавшись Амурскимъ Краемъ, Императоръ рѣшилъ во что бы то ни стало вернуть Россіи Амурскій Край. Съ этой цѣлью онъ повелѣлъ изслѣдовать устье Амура.

Рѣшеніе этого вопроса Высочайше было поручено Россійско-Американской Компаніи, которая въ 1846 году командировала на бригѣ «Константинъ» поручика корпуса штурмановъ Гаврилова.

Къ великому сожалѣнію, послѣдній къ выполненію возложенной на него задачи отнесся весьма поверхностно. Онъ, сдѣлавъ промѣры, донесъ, что Амуръ не судоходенъ.

На основаніи этого донесенія Предсѣдатель правленія Русско-Американской Компаніи Баронъ Врангель донесъ Министру Иностранныхъ Дѣлъ графу Нессельроде: „Возложенное на меня Высочайшее повелѣніе исполнено. Судно Россійско Американской Компаніи было послано, и г. Гавриловъ осмотрѣлъ сѣверную часть лимана и устье р. Амура, которое оказалось доступнымъ только для мелкосидящихъ судовъ“ [1]). Послѣ такого доклада правительство рѣшило окончательно покончить съ Амурскимъ вопросомъ.

---

[1]) Вахтинъ. Адмиралъ Невельской и Амурскій Край". Стр. 8.

Государь Императоръ на докладѣ графа Нессельроде положилъ резолюцію: «вопросъ объ Амурѣ, какъ рѣкѣ безполезной, оставить» [1]).

Между тѣмъ, Амурскій вопросъ заинтересовалъ русское общество. Въ печати появляется цѣлый рядъ статей объ Амурѣ, о его великомъ значеніи для Восточной Сибири, создаются проекты овладѣнія Амуромъ.

Такой глубокій интересъ, проявленный русскимъ обществомъ къ Амурскому вопросу, заставилъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ графа Нессельроде выступить съ двумя оффиціальными записками, въ которыхъ онъ доказываетъ принадлежность лѣваго берега Амура Китаю; при этомъ Министръ настаиваетъ на несвоевременности поднятія вопроса объ Амурѣ. Таковъ былъ взглядъ дипломатіи, но сама жизнь диктовала совершенно другое. Положеніе нашей далекой окраины было безотрадное. Населеніе, по словамъ А. Сильницкаго [2]), коснѣло въ бѣдности, болѣзняхъ и невѣжествѣ. Администрація же о нуждахъ Края совершенно не думала. Непроходимыя болота и тундры дѣлали сообщеніе съ этими краями невозможными, а потому мѣры, принимаемыя центральнымъ правительствомъ для устраненія всѣхъ неустройствъ Дальняго Востока, реальнаго значенія не имѣли. Улучшить тяжелый бытъ населенія Дальняго Востока могла только стихійная сила, покорившаяся человѣку. Этой силой былъ Амуръ, а покореніе его человѣку—судоходство на немъ.

Присоединеніе Амура есть плоды совмѣстной дѣятельности Муравьева и Г. И. Невельского. Свое великое дѣло они совершили при благосклонной поддержкѣ Императора Николая I-го.

Послѣдній, заинтересовавшись вопросомъ объ

[1]) Ивановъ. „Краткая Исторія Амурскаго казачьяго войска".
[2]) Архивные матеріалы къ исторіи событій на Дальнемъ Востокѣ.

Амурѣ и желая возсоединить съ Россіей Амурскій Край, назначаетъ Генералъ-Губернаторомъ Восточной Сибири весьма талантливаго, энергичнаго и рѣшительнаго, самого молодого въ то время администратора, Н. Н. Муравьева. Проѣздомъ черезъ г. Тулу, Императоръ 6 сентября 1847 г. объявилъ Н. Н. Муравьеву, бывшему въ то время тульскимъ губернаторомъ, что онъ назначаетъ его Генералъ-Губернаторомъ Восточной Сибири.

При этомъ Императоръ, говоря о нуждахъ Восточной Сибири, о кяхтинской торговлѣ, нашихъ отношеніяхъ къ Китаю, между прочимъ, сказалъ: „Что же касается русской рѣки Амуръ, то объ этомъ рѣчь впереди". Въ концѣ сентября 1847 года Муравьевъ былъ уже въ Петербургѣ. Здѣсь онъ со свойственной ему энергіей принялся за изученіе дальневосточныхъ вопросовъ. Благодаря удивительному таланту быстро оріентироваться въ самыхъ сложныхъ вопросахъ, въ довольно короткій срокъ ознакомился съ главными вопросами.

Передъ отъѣздомъ въ Сибирь Н. Н. Муравьевъ былъ удостоенъ Высочайшей аудіенціи, причемъ Императоръ ему сказалъ, что „для хорошаго слушателя не нужно словъ", а потому не входилъ въ подробности ожидаемаго отъ Муравьева.

Императоръ, зная блестящія способности молодого администратора, его энергію и неуклонное стремленіе къ разъ намѣченной цѣли, былъ увѣренъ, что онъ пойметъ великія задачи Россіи на Дальнемъ Востокѣ и сдѣлаетъ все возможное для его блага. Императоръ не ошибся: Муравьевъ оправдалъ Высочайшее довѣріе. Мудрымъ правленіемъ онъ уничтожилъ злоупотребленія, существовавшія въ Восточной Сибири и возсоединилъ съ Россіей Амурскій Край.

Въ рѣшеніи послѣдняго вопроса сыгралъ выдающуюся роль Г. И. Невельской. Послѣдній по окон-

чанін морского образованія совершилъ нѣсколько плаваній въ европейскихъ водахъ.

Талантливый, энергичный офицеръ былъ на хорошемъ счету и быстро двигался по службѣ.

Въ 1847 году онъ былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и назначенъ командиромъ транспорта „Байкалъ“, который въ то время строился въ Гельсингфорсѣ и предназначался на службу въ Охотскъ; на немъ было приказано доставить изъ Петербурга различные запасы для Охотскаго и Петропавловскаго портовъ.

Еще въ юношескіе годы Восточная Сибирь и Амуръ привлекали вниманіе талантливаго, энергичнаго моряка. Основательно занявшись и хорошо изучивъ скудную литературу объ Амурѣ, Г. И. Невельской пришелъ къ убѣжденію, что такая огромная рѣка не могла теряться въ пескахъ и не быть судоходной.

Будучи назначенъ въ Восточную Сибирь, Геннадій Ивановичъ рѣшается во чтобы то ни стало изслѣдовать устье Амура и, такимъ образомъ, разсѣять вѣковое заблужденіе.

Такъ какъ Генералъ-Губернаторъ Восточной Сибири Н. Н. Муравьевъ былъ въ это время въ Петербургѣ, то Невельской долженъ былъ представиться ему и доложить свои соображенія относительно возложеннаго на него порученія. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ и доложивъ Генералъ-Губернатору о порученіи Начальника Морского Штаба, Г. Н. Невельской подымаетъ только что погребенный Амурскій вопросъ. Рѣчь его была настолько сильна и убѣдительна, что Муравьевъ вполнѣ согласился съ нимъ. Видя въ немъ человѣка въ высшей степени идейнаго и въ то же время энергичнаго, Н. Н. Муравьевъ обѣщалъ ему всяческое содѣйствіе. Когда Невельской доложилъ Начальнику Морского Штаба

Меньшикову свой разговоръ и просилъ разрѣшенія изслѣдовать устье Амура и юго-восточный берегъ Охотскаго моря, то Меньшиковъ отнесся къ этому ходатайству весьма скептически. Полагая, что Амуръ не судоходенъ, Меньшиковъ сказалъ Невельскому: „нечего и думать о томъ, что невозможно, а Вы постарайтесь выполнить Ваше прямое назначеніе, т. е. снабдить Сибирскіе порты припасами“ [1]).

Не получивъ въ Петербургѣ разрѣшенія на изслѣдованіе Амура, Невельской снова обращается за содѣйствіемъ къ Н. Н. Муравьеву. Въ письмѣ къ послѣднему, онъ, какъ милости, проситъ себѣ новыхъ трудовъ, борьбы съ природой, массы лишеній въ невѣдомомъ Краю. Въ этомъ письмѣ во всей красотѣ вырисовываются лучшія черты его характера: глубокая любовь къ родинѣ, рѣшительность, энергія, неуклонное преслѣдованіе задуманной цѣли, глубокое пониманіе задачъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ [2]).

Въ отвѣтъ на это письмо Невельской получилъ отъ Муравьева благодарность за столь благородное и патріотическое рвеніе, при этомъ онъ сообщалъ, что ходатайствуетъ о Высочайшемъ утвержденіи инструкціи Невельскому для изслѣдованія Амура. Къ сожалѣнію, въ Петербургѣ къ ходатайству Муравьева отнеслись несочувственно. Сильнаго духомъ Невельского это мало смутило. Онъ прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы пораньше приготовить транспортъ къ плаванію и, такимъ образомъ, пораньше исполнить порученіе, свободное же время использовать для изслѣдованія Амура. Лѣтомъ 1848 года транспортъ былъ уже готовъ. Явившись съ докладомъ къ Меньшикову, Невельской доложилъ ему: „Итакъ, Ваша Свѣтлость, я съ своей стороны сдѣлалъ все возможное, чтобы быть на Камчаткѣ въ маѣ и имѣть лѣто 1849 года

[1]) Сильницкій. „Архивный матеріалъ“. Стр. 4.

[2]) Письмо почти полностью приведено у Вахтина. „Невельской и Амурскій Край“.

свободнымъ, а потому осмѣливаюсь просить Вашу Свѣтлость разрѣшить мнѣ употребить это время на опись юго-восточныхъ береговъ Охотскаго моря и при этомъ побывать въ лиманѣ рѣки Амуръ, въ который оффиціально меня занесутъ и свѣжіе вѣтры и теченія, постоянно господствующія въ этихъ мѣстахъ, какъ пишетъ Крузенштернъ“ [1]).

Князь Меньшиковъ, пессимистически смотрѣвшій на затѣи молодого моряка, въ отвѣтъ на его ходатайство сказалъ: „безполезно рисковать итти туда, гдѣ положительно извѣстно, что входъ опасенъ, и для твоего транспорта невозможенъ. Кромѣ того, я говорилъ, что графъ Нессельроде не рѣшится представить объ этомъ Государю, особливо нынѣ, когда рѣшено, что эти мѣста должны принадлежать Китаю“ [2]).

Несмотря на такой отвѣтъ, князь все-таки согласился дать Невельскому инструкцію, въ которой предписывалось ему, по сдачѣ груза въ Петропавловскѣ, слѣдовать въ Охотское море и изслѣдовать его юго-восточный берегъ, между тѣми мѣстами, которыя были опредѣлены или усмотрѣны мореплавателями. Окрыленный надеждой добиться рѣшенія намѣченнаго вопроса онъ пускается въ дальній путь. Со свойственной ему энергіей онъ блестяще совершаетъ путешествіе на Камчатку. 12 мая 1849 года онъ уже былъ въ Петропавловскѣ, откуда доносилъ князю: „Господь Богъ помогъ при содѣйствіи неутомимыхъ и благородныхъ моихъ помощниковъ совершить мнѣ это плаваніе и благополучно прибыть въ Петропавловскъ съ бодрой и здоровой командой, не имѣя никакихъ поврежденій въ корпусѣ судна, а равно никакой порчи въ грузѣ“.

Въ Петропавловскѣ Невельской получилъ письмо Муравьева, который благодарилъ его за рѣшитель-

---

[1]) Вахтинъ. „Невельской и Амурскій Край“. Стр. 12.

[2]) Тамъ же.

ность и самоотверженіе въ рѣшеніи столь важнаго для Россіи вопроса. Въ этомъ же письмѣ Генералъ-Губернаторъ сообщалъ, что имъ снова представлена на Высочайшее утвержденіе инструкція для изслѣдованія устья Амура. Не имѣя опредѣленной инструкціи, Невельской рѣшается дѣйствовать на собственный страхъ и отвѣтственность.

30 мая 1849 года Невельской вышелъ изъ Петропавловска, направляясь на югъ къ устью Амура.

Въ то время, когда Невельской былъ въ пути, Генералъ-Губернаторъ Муравьевъ получилъ Высочайше утвержденную инструкцію для изслѣдованія устья Амура.

Дѣло въ томъ, что 29 января 1849 г. въ Петербургѣ, по Высочайшему повелѣнію, былъ организованъ Комитетъ, въ которомъ обсуждался вопросъ объ Амурѣ. 8 февраля Высочайше было утверждено положеніе Комитета о морской экспедиціи для изслѣдованія устьевъ Амура. Согласно инструкціи, предписывалось: 1) установить прочныя сношенія съ гиляками, 2) наблюдать за дѣйствіями иностранцевъ, 3) и если бы экспедиція убѣдилась въ желаніи иностранцевъ занять Амуръ, то Генералъ-Губернатору предоставлялось право, не дожидаясь разрѣшенія высшаго начальства, увѣдомить китайское правительство о посягательствахъ иностранцевъ.

Исполненіе всѣхъ этихъ предположеній рѣшено было возложить на Русско-Американскую Компанію, устранивъ, такимъ образомъ, явное участіе правительства въ этомъ дѣлѣ.

Гр. Несельроде, боясь всякихъ подозрѣній со стороны Китая, полагалъ, что самое лучшее отправленному къ берегамъ Охотскаго моря Невельскому сдѣлать осмотръ береговъ отъ Шантарскихъ острововъ до устья Амура, а также изслѣдованіе сѣверныхъ береговъ Сахалина и отысканіе на этомъ простран-

ствѣ, по возможности на недалекомъ разстояніи отъ Амура, удобнаго пункта для занятія, если бы впослѣдствіи признано было своевременнымъ приступить и къ сему предпріятію, при этомъ Невельскому вмѣнялось въ обязанность не возбуждать подозрѣній китайцевъ [1]).

Такимъ образомъ, вслѣдствіе положенія особаго Комитета, Невельскому было послано то предписаніе, котораго онъ такъ добивался въ бытность въ Петербургѣ. Морское министерство препроводило Генералъ-Губернатору въ Иркутскъ инструкцію Невельскому на изслѣдованіе устья Амура и выборъ пункта къ сѣверу отъ него, удобнаго для занятія и устройства порта.

Муравьевъ, получивъ инструкцію, немедленно командировалъ въ Охотскъ штабсъ-капитана Корсакова для передачи Невельскому. Послѣдняго въ это время уже не было въ Охотскѣ. Выйдя оттуда въ маѣ мѣсяцѣ, онъ направился сначала къ о. Сахалину, а затѣмъ къ устью Амура.

28-го іюня Невельской уже былъ въ Амурскомъ лиманѣ. Слѣдуя по лиману на югъ, Невельской открылъ проливъ глубиной до 5 саженъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по мнѣнію Крузенштерна и другихъ кругосвѣтныхъ путешественниковъ, былъ перешеекъ. Промѣры и серьезныя изслѣдованія устья Амура убѣдили Невельского, что устье Амура судоходно, вопреки мнѣнію знаменитаго мореплавателя Крузенштерна. Сдѣлавъ эти важныя открытія, онъ спѣшитъ въ Охотскъ, чтобы доложить Муравьеву, что вѣковое заблужденіе разсѣяно —Амуръ судоходенъ, и Сахалинъ—островъ, а не полуостровъ.

Въ то самое время, когда Невельской совершалъ свои великія открытія, Н. Н. Муравьевъ предпринялъ путешествіе на Камчатку. Прибывъ въ Якутскъ, Му-

---

[1]) Барсуковъ. Гр. Н. Н. Муравьевъ. Стр. 196.

равьевъ вдругъ узналъ о посылкѣ по Высочайшему повелѣнію сухопутной экспедиціи Ахте для разграниченія нашихъ владѣній въ Восточной Сибири. Узнавъ о посылкѣ этой экспедиціи и зная, что выполненіе задачъ этой экспедиціи повредитъ выполненію намѣченныхъ имъ мѣропріятій по отношенію Амура, рѣшается задержать экспедицію. Изъ Якутска онъ предписываетъ Предсѣдателю въ Совѣтѣ Главнаго Управленія Восточной Сибири пріоставить экспедицію Ахте впредь до его возвращенія въ Иркутскъ, и въ то же время посылаетъ изъ Якутска Всеподданнѣйшее донесеніе съ надписью „въ собственныя руки" [1]).

Въ своемъ донесеніи Муравьевъ подробно излагаетъ весь вредъ, который можетъ принести Амурскому дѣлу экспедиція Ахте, и проситъ Императора простить подданному, дерзнувшему изъ чувства патріотизма остановить движеніе экспедиціи. Государь нашелъ мотивы, руководившіе Муравьевымъ, правильными и патріотическими, несмотря на то, что министры во главѣ съ гр. Нессельроде были противъ Муравьева и его рѣшительной политики. Они не понимали этого талантливаго и идейнаго государственнаго дѣятеля. Они не хотѣли понять тѣхъ идейныхъ побужденій, которыя руководили Муравьевымъ. Они всѣ усилія прилагали къ тому, чтобы доказать неосновательность его самовольныхъ распоряженій. Не такъ смотрѣлъ на дѣятельность Муравьева Императоръ Николай I. Онъ вѣрилъ въ Муравьева и его глубокій патріотизмъ. На министерскомъ докладѣ по поводу задержки экспедиціи Ахте Императоръ наложилъ резолюцію: «Оставить дѣло до прибытія въ Петербургъ Генералъ-Лейтенанта Муравьева»[2]). Въ то время, когда въ Петербургѣ метали громъ и молніи

[1]) Сильницкій. Архивные матеріалы.
[2]) Барсуковъ. Графъ Н. Н. Муравьевъ.

противъ Муравьева, послѣдній совершалъ свое путешествіе на Камчатку. 25 іюля 1849 года Муравьевъ прибылъ въ портъ Петропавловскій. Здѣсь Н. Н. Муравьевъ встрѣтился съ преосвященнымъ Иннокентіемъ, такимъ же глубокимъ патріотомъ, какимъ былъ самъ. Въ немъ онъ нашелъ искренняго, талантливаго и безкорыстнаго сотрудника, глубоко понимавшаго задачи Россіи на Востокѣ. „Не мнѣ описывать высокій умъ и христіанскія добродѣтели этого апостола Сѣвера, какъ его уже тогда называли въ иностранной печати,—пишетъ Б. В. Струве,—необыкновенные его труды и подвиги всемірно извѣстны“ [1]).

Цѣня выдающійся умъ и глубокія знанія епископа Иннокентія, Муравьевъ ежедневно по вечерамъ велъ продолжительныя бесѣды съ преосвященнымъ, спрашивая у него совѣтовъ при рѣшеніи различныхъ вопросовъ. Путемъ этихъ бесѣдъ выяснился цѣлый рядъ вопросовъ, требующихъ своего разрѣшенія. При содѣйствіи епископа Иннокентія Муравьевъ выработалъ цѣлый рядъ мѣропріятій, чтобы уничтожить господствовавшія тамъ злоупотребленія и тѣмъ самымъ закрѣпить за Россіей Сѣверо-Востокъ Сибири. Главнѣйшія изъ этихъ мѣропріятій были слѣдующія: 1) изъ Охотскаго, Камчатскаго и Гижигинскаго Края образовать особую область и назначить губернаторомъ ея В. С. Завойко [2]), 2) Охотскій портъ перенести въ Петропавловскъ и укрѣпить послѣдній, 3) переселить на Камчатку 3 тыс. переселенцевъ, 4) Американскую епископскую кафедру перенести въ Петропавловскъ, присоединивъ къ ней Якутскую область. Большинство этихъ предположеній было проведено въ жизнь за

[1]) Воспоминанія о Сибири. С.-ПБ. 1889 г. Стр. 76.

[2]) Выборъ Н. Н. Муравьева остановился на Завойкѣ, благодаря рекомендаціи преосвященнаго Иннокентія. У Муравьева было два кандидата—Вонлярлярскій и Завоико, и онъ не зналъ, на комъ остановить свой выборъ. Долго онъ пыталъ епископа, но тотъ уклонялся отъ прямого отвѣта. Наконецъ выведенный изъ терпѣнія, онъ, по словамъ Струве, съ нетерпѣніемъ въ голосѣ сказалъ: „почто вызываете: за Лярскаго я руки не подставлю, за Завойко я постою обѣими руками, всѣмъ тѣломъ и душой“. Воспоминанія о Сибири.

исключеніемъ переселенія на Камчатку земледѣльцевъ. Этотъ вопросъ не былъ рѣшенъ только потому, что послѣ открытія Невельского центромъ вниманія Муравьева сдѣлался Амуръ.

Изъ Петропавловска Н. Н. Муравьевъ отправился въ Аянъ въ надеждѣ встрѣтить по пути Невельского. Не встрѣтивъ его, Муравьевъ въ весьма плохомъ настроеніи прибылъ въ Аянъ. Настроеніе его еще болѣе пало, когда встрѣтившій его здѣсь Корсаковъ доложилъ ему о своихъ предположеніяхъ на счетъ гибели транспорта «Байкалъ» въ Амурскомъ лиманѣ. Въ это тяжелое время раздумья вдругъ у входа въ Аянскій рейдъ показался «Байкалъ».

Горя нетерпѣніемъ узнать истину, Муравьевъ бросается на катеръ и выходитъ навстрѣчу Невельскому. Подойдя къ транспорту, Н. Н. Муравьевъ съ нетерпѣніемъ крикнулъ: „Откуда вы"? На это Невельской отвѣчалъ: „Господь Богъ намъ помогъ... Главное кончено... Все благополучно... Сахалинъ—островъ. Входъ въ лиманъ и р. Амуръ возможны для мореходныхъ судовъ съ сѣвера и юга. Вѣковое заблужденіе разсѣяно. Истина обнаружилась,—доношу вамъ объ этомъ нынѣ" [1]). Этотъ день былъ истиннымъ праздникомъ для Муравьева и Невельского. Великіе патріоты торжествовали, сознавая всю важность открытія. По словамъ очевидца Струве [2]), Муравьевъ и Невельской со свитой и сотрудниками торжествовали, ликовали весь вечеръ 3 сентября до поздней ночи, послѣ чего Н. Н. Муравьевъ выѣхалъ въ Якутскъ. Въ Петербургъ же посылаетъ подробное донесеніе, которое заканчиваетъ словами: „множество предшествовавшихъ экспедицій достигли европейской славы, но ни одна не достигла отечественной пользы по тому истинному русскому смыслу, съ которымъ

---

[1]) Барсуковъ. Гр. Муравьевъ. Стр. 224.

[2]) Воспоминанія о Сибири.

дѣйствовалъ Невельской" [1]). Будучи командированъ въ Петербургъ, Невельской, по прибытіи туда, немедленно явился къ князю Меньшикову, которому представилъ всѣ журналы и карты своихъ изслѣдованій и открытій, а также рапортъ Муравьева о необходимости занятія устья Амура, причемъ для исполненія этого предположенія просилъ назначить въ его распоряженіе Невельского.

Князь Меньшиковъ принялъ Невельского весьма благосклонно, при этомъ онъ сообщилъ ему, что Государь Императоръ, довольный его рѣшительной дѣятельностью, прощаетъ его смѣлый поступокъ, что же касается правительства, то оно во главѣ съ гр. Нессельроде обвиняетъ его въ нарушеніи порядка службы и на самовольную опись береговъ Амура смотритъ, какъ на государственную измѣну.

Въ отвѣтъ на слова своего начальника Невельской съ почтеніемъ сказалъ: „Правительство всегда можетъ провѣрить, въ какой степени справедливы мои донесенія Вашей Свѣтлости, доведенныя до Высочайшаго воззрѣнія, если они окажутся согласными съ мнѣніемъ Гр. Нессельроде, то я подвергаюсь строжайшей отвѣтственности, гораздо большей, какую они уже опредѣлили, а потому почтительнѣйше прошу Вашу Свѣтлость защитить меня и моихъ сотрудниковъ отъ подобныхъ нареканій" [2]).

Убѣдившись въ справедливости донесеній своего подчиненнаго, князь обѣщалъ его поддержать.

Между тѣмъ представленіе Муравьева о необходимости занятія устья Амура Высочайше было повелѣно (2 февраля 1850 г.) разсмотрѣть въ Сибирскомъ Комитетѣ, въ который былъ приглашенъ и Г. И. Невельской. На засѣданіи гр. Чернышевъ и гр. Нессельроде, главные противники активнаго выступленія

[1]) Ивановъ. Краткая исторія Амурскаго казачьяго войска. Стр. 41.
[2]) Вахтинъ. „Невельской и Амурскій Край". Стр. 16.

русскихъ на берегахъ Тихаго океана, всѣми силами старались доказать, что Невельской, не получившій Высочайшаго соизволенія и предписанія своего начальства на изслѣдованіе Амура, подлежитъ строгому наказанію, что же касается его открытій, то они высказали увѣренность, что онъ ошибся въ своихъ изслѣдованіяхъ, такъ какъ европейскіе авторитеты (Крузенштернъ, Броутонъ, Лаперузъ) пришли къ совершенно другимъ выводамъ. Представленіе же Муравьева о занятіи устья Амура 70 солдатами они считали наивнымъ, такъ какъ, по словамъ гр. Нессельроде [1]), устье Амура охраняется большой китайской силой. Выслушавъ обвинительную рѣчь членовъ Комитета, Невельской отвѣтилъ: „Отправляясь изъ Петропавловска къ описи лимана, я исполнилъ вѣрноподданнѣйшій мой долгъ. Миловать и наказывать меня можетъ только Государь". Далѣе въ пространной рѣчи Невельской подробно разбираетъ тѣ неблагопріятныя обстоятельства и случайности, благодаря которымъ знаменитые мореплаватели пришли къ ложному заключенію, останавливается на своихъ изслѣдованіяхъ и доказываетъ, что ему удалось разсѣять заблужденія своихъ предшественниковъ [2]). Перейдя затѣмъ къ вопросу объ охранѣ устья Амура, Невельской высказываетъ убѣжденіе, что занятіе устья Амура не вызоветъ международныхъ осложненій, такъ какъ не только китайской охраны, но даже китайскаго вліянія тамъ нѣтъ. Мѣстное населеніе считаетъ себя независимымъ отъ Китая. Инородцы, населяющіе низовья Амура, находятся на низшей степени своего развитія, не воинственны, а потому и небольшой отрядъ въ 25 человѣкъ можетъ удержать ихъ въ повиновеніи. Свѣдѣнія же, полу-

[1]) Записки Невельского. Изданіе Е. И. Невельской.

[2]) „Мнѣ и моимъ сотрудникамъ Богъ помогъ разсѣять эти заблужденія и раскрыть истину. Все, что я доношу, такъ же вѣрно, какъ то, что я стою здѣсь". Вахтинъ. Г. И. Невельской и Амурскій Край.

чаемыя Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, по его мнѣнію, не соотвѣтствуютъ истинѣ. Свою пламенную рѣчь Невельской закончилъ предложеніемъ: принять рѣшительныя мѣры къ занятію Амура, въ противномъ случаѣ онъ можетъ сдѣлаться добычей всякаго смѣлаго пришельца.

Высказанныя Невельскимъ положенія поддерживали князь Меньшиковъ и Перовскій. При этомъ князь въ обширномъ докладѣ доложилъ Комитету, что онъ тщательно разсмотрѣлъ всѣ, даже черновые журналы Невельского и находитъ, что открытія его справедливы, а потому необходимо установить тщательное наблюденіе за лиманомъ рѣки Амура и берегами Татарскаго пролива.

Результатомъ совѣщаній членовъ Сибирскаго Комитета было Высочайше утвержденное постановленіе объ Амурской Экспедиціи. Послѣдняя имѣла своей цѣлью, подъ видомъ торговаго предпріятія Русско-американской Компаніи, основать зимовье на юго-восточномъ побережьѣ Охотскаго моря, вблизи Амура. Это зимовье предполагалось основать для торговыхъ сношеній съ гиляками и развѣдки Края, „не касаясь ни подъ какимъ предлогомъ устья Амура". При этомъ для проведенія въ жизнь намѣченныхъ мѣропріятій въ качествѣ начальника Амурской экспедиціи былъ назначенъ Невельской, откомандированный въ распоряженіе Муравьева.

Ставъ во главѣ экспедиціи, Невельской немедленно выѣзжаетъ въ Восточную Сибирь, докладываетъ Муравьеву о положеніи Амурскаго вопроса и отсюда направляется въ Аянъ для исполненія возложенныхъ на него порученій. 2 іюня онъ на транспортѣ „Охотскъ" прибылъ съ 25 матросами въ заливъ Счастья. Здѣсь онъ заложилъ зимовье Петровское. Познакомившись съ мѣстностью, онъ пришелъ къ убѣжденію, что это мѣсто неудобно для зимовки

судовъ, кромѣ того, отсюда нельзя слѣдить за устьемъ Амура, за южной частью лимана и прибрежьемъ Приамурскаго края, а потому, боясь, что иностранцы захватятъ Амуръ, Невельской рѣшается, вопреки Высочайшему повелѣнію, итти въ устье Амура и тамъ изслѣдовать, не имѣется ли вблизи устья пункта, удобнаго для зимовки судовъ и узнать, въ какое время появляются иностранныя суда въ Татарскомъ проливѣ и подходятъ ли они къ лиману. Съ этимъ намѣреніемъ онъ 21 іюля вошелъ въ Амуръ, поднялся вверхъ по рѣкѣ до м. Тыръ, лежащаго въ 100 верстахъ отъ устья, изслѣдовалъ устье Амгуни и затѣмъ въ 25 верстахъ отъ устья Амура у м. Куегда 6 августа 1850 года поднялъ русскій флагъ при крикахъ „ура" бывшихъ съ нимъ матросовъ, при этомъ онъ объявилъ собравшимся здѣсь гилякамъ, что отнынѣ они поступаютъ подъ русскую защиту и покровительство. Такъ совершилось первое занятіе русскими устья Амура. Оставивъ здѣсь постъ изъ 5 человѣкъ, онъ назвалъ его Николаевскимъ [1]). Основавъ постъ Николаевскій и положивъ тѣмъ самымъ начало возсоединенію съ Россіей Приамурскаго Края, Невельской посылаетъ Муравьеву донесеніе, въ которомъ подробно останавливается на причинахъ, побудившихъ его къ занятію устья Амура; въ заключеніе онъ выражаетъ надежду, что при ходатайствѣ Муравьева Государь Императоръ проститъ подданному, осмѣлившемуся преступить Высочайшее повелѣніе при такихъ обстоятельствахъ [2]). Покончивъ съ дѣлами въ Охотскѣ, онъ отправляется въ Иркутскъ для личнаго доклада. Не заставъ Муравьева въ Иркутскѣ и получивъ отъ него предписаніе явиться въ Петербургъ съ донесеніемъ, Невельской немедленно отправляется туда.

---

[1]) Романовъ. Русское Слово. 1859 г. Стр. 118.

[2]) Вахтинъ. „Невельской и Амурскій Край".

Донесеніе Невельского, по желанію Императора Николая, было разсмотрѣно въ особомъ Комитетѣ подъ предсѣдательствомъ гр. Нессельроде при участіи Н. Н. Муравьева.

Большинство членовъ Комитета, по словамъ Г. И. Невельского [1]), признало его дѣйствія въ „высшей степени дерзкими" и требовало высшаго наказанія за нарушеніе Высочайшей воли. Присутствовавшій на этомъ засѣданіи Комитета Н. Н. Муравьевъ выступилъ энергичнымъ защитникомъ своего сотрудника. Онъ даже имѣлъ мужество заявить, что дѣйствія Невельского согласны съ его представленіями и взглядами. Онъ всѣми силами старался убѣдить членовъ въ необходимости занятія Амура. Несмотря на рѣшительное выступленіе Н. Н Муравьева, большинство членовъ Комитета постановило: 1) постъ Николаевскій снять, 2) торговлю съ гиляками вести изъ Петровскаго, „не касаясь рѣки Амура, ея бассейна, Сахалина и береговъ Татарскаго пролива", 3) Невельского за поступки въ „высшей степени дерзкіе" разжаловать. Не желая брать на себя отвѣтственности за рѣшеніе столь важнаго для Россіи вопроса, Муравьевъ не подписалъ присланный къ нему протоколъ засѣданія. Въ краткихъ, но рѣшительныхъ выраженіяхъ написалъ свое несогласіе съ заключеніемъ Комитета. Онъ былъ увѣренъ, что Императоръ, глубоко заинтересованный въ рѣшеніи Амурскаго вопроса, приметъ во вниманіе причины, побудившія Невельского занять устье Амура. Муравьевъ не ошибся.

Императоръ, вызвавъ Муравьева въ Царское Село, подробно разспросилъ о положеніи дѣлъ въ Тихомъ океанѣ, о дѣйствіяхъ Невельского, о свѣдѣніяхъ, имъ собранныхъ, о независимости обитающихъ въ устьяхъ Амура гилякахъ и т. п.

Рѣчь Муравьева была настолько патріотична, и

---

[1]) „Записки Г. И. Невельского".

убѣдительна, что Императоръ вполнѣ согласился съ нимъ, и поступокъ Невельского призналъ „молодецкимъ, благороднымъ и патріотичнымъ“, и вмѣсто разжалованія пожаловалъ ему орденъ Св. Владиміра 4 степени.

На докладѣ же гр. Нессельроде наложилъ резолюцію: „Комитету собраться вновь подъ предсѣдательствомъ Государя Наслѣдника Престола [1]). Передъ засѣданіемъ Комитета Государь Наслѣдникъ [2]) вызвалъ Муравьева и взялъ у него подробную записку по Амурскому вопросу. Основательно изучивъ этотъ вопросъ и найдя доводы Муравьева вполнѣ справедливыми, онъ на засѣданіи Комитета (19 января 1851 г.) убѣдилъ большинство его членовъ въ необходимости занятія Амура. Меньшинство, во главѣ съ гр. Нессельроде, было противъ такого рѣшенія вопроса. Благодаря возникшимъ разногласіямъ, вопросъ былъ подвергнутъ на благовоззрѣніе Императора. Послѣдній на докладѣ Наслѣдника наложилъ весьма знаменательную резолюцію: „Гдѣ поднятъ русскій флагъ, онъ уже спускаться не долженъ“. Этими словами было санкціонировано занятіе устья Амура, чѣмъ Высочайше было предначерчено возсоединеніе съ Россіей Амурскаго Края.

Кромѣ того, 18 февраля Императоръ издалъ Высочайшій приказъ о снаряженіи Амурской Экспедиціи. Начальникомъ экспедиціи былъ назначенъ Невельской. Въ составъ экспедиціи было назначено 60 матросовъ при двухъ офицерахъ. Вскорѣ послѣ состоявшагося рѣшенія объ оставленіи Николаевскаго поста въ Пекинскій трибуналъ внѣшнихъ сношеній былъ посланъ „листъ“, въ которомъ говорилось, что, по имѣющимся свѣдѣніямъ, иностранцы желаютъ занять устье Амура, что «не можетъ быть терпимо на-

[1]) Военный сборникъ. 1909 г. т. X. Стр. 168.

[2]) Впослѣдствіи Императоръ Александръ II.

ми, такъ какъ онъ вытекаетъ изъ нашихъ предѣловъ»[1]). Такимъ образомъ, плаваніе по рѣкѣ иностранцевъ противорѣчитъ русскимъ и китайскимъ интересамъ, въ виду этого необходимо обоимъ государствамъ войти въ сношеніе касательно обезпеченія устья Амура[2]). Ободренный успѣшнымъ рѣшеніемъ вопроса о занятіи устья Амура, Невельской снова спѣшитъ на Дальній Востокъ. На этотъ разъ онъ уже ѣхалъ не одинъ—его сопровождала молодая супруга, такая же пламенная патріотка, какъ и онъ самъ. Несмотря на свое нѣжное воспитаніе (кончила Смольный институтъ), она рѣшается самоотверженно переносить всѣ лишенія и труды, направленные на пользу отчизны. Вотъ какъ характеризуетъ ее одинъ изъ современниковъ: „Екатерина Ивановна, перенеся всевозможныя тяжкія лишенія съ самоотверженіемъ, на которое способны только избранныя женскія натуры, поддержала и укрѣпила въ первыхъ дѣятеляхъ присоединенія Амурскаго Края энергію и бодрость духа, безъ которыхъ не могло совершаться великое дѣло. Не выходя изъ круга семьи, Е. И. стала женщиной исторической, на имени которой съ уваженіемъ и глубокой симпатіей остановится будущій историкъ Сибири"[3]).

Это дѣйствительно была замѣчательная женщина. Я позволю себѣ привести выдержки изъ ея писемъ къ роднымъ въ Иркутскъ, въ которыхъ во всей красотѣ вырисовываются лучшія черты ея характера. Какой, напримѣръ, духовной красотой дышатъ слѣдующія строки ея письма: „какъ бы я пустила его одного, пренебрегая съ первыхъ лѣтъ замужества моимъ долгомъ, дѣлая поступокъ недостойный и малодушный. О, друзья, развѣ я могла бы безъ краски

---

[1]) Военный сборникъ. 1909 г. т. X, стр. 170.

[2]) Государственный Архивъ. Азіат. Департ. № 11/68. Тимченко-Рубанъ. Военный Сборникъ, 1909 т. X, стр. 1—70. Барсуковъ Стр. 285.

[3]) И. Андреевъ. Рѣчь на Сибирскомъ обѣдѣ въ 1881 г.

стыда послать этого человѣка, такого благороднаго и такого великаго навстрѣчу опасностямъ и испытаніямъ, а самой остаться подъ покровомъ спокойно у теплаго очага въ то время, какъ онъ подвергался столькимъ лишеніямъ. И потомъ, о низость! Послѣ того, какъ онъ превозмогъ бы всѣ трудности, избѣжалъ всѣ опасности, я бы возвратилась къ нему въ то время, когда онъ могъ бы сдѣлать мою жизнь пріятной и легкой. Никогда, никогда, я не совершу такого презрѣннаго поступка!" [1]). Одушевленная этими лучшими стремленіями, она сопровождаетъ мужа въ его трудной экспедиціи, переноситъ всѣ тяжести путешествія и своимъ личнымъ примѣромъ одушевляетъ какъ мужа, такъ и его сотрудниковъ. Она даже смерть родного ребенка переноситъ съ удивительнымъ стоицизмомъ, утѣшая себя мыслью, что „эта жертва, тяжкая для родителей, является данью исполненія долга, направленнаго ко благу отечества". Отсюда, конечно, понятно ея сильное нравственное вліяніе. Она оказала этимъ огромную услугу Амурской Экспедиціи и вполнѣ заслужила того, чтобы ея имя съ честью было записано на страницы исторіи нашего Края.

Амурская экспедиція Невельского, прибывъ въ началѣ 1851 года въ Охотскъ, на транспортѣ „Байкалъ" направилась въ Петропавловское. Отсюда Невельской съ лейтенантомъ Бошнякомъ и командой въ 50 человѣкъ отправился къ устью Амура для подкрѣпленія поста Николаевскаго.

Прибывъ сюда, онъ собралъ окрестныхъ гиляковъ и объявилъ: „чтобы они не вѣрили маньчжурскимъ торгашамъ и не слушались ихъ. Если кто либо изъ нихъ будетъ распускать враждебные для насъ слухи, то таковыхъ представлять въ Николаевскъ. Вся эта страна руская, и мы не позволимъ

[1]) Кедровъ. Памяти адмирала Невельского. Стр. 30.

никому распоряжаться. Маньчжуровъ же мы не боимся и заставимъ ихъ уважать и бояться" [1]). Изъ Николаевска онъ снаряжаетъ нѣсколько экскурсій подъ начальствомъ морскихъ офицеровъ. Эти экскурсіи должны были выяснить два вопроса: морской и пограничный. Въ первомъ нужно было выяснить, имѣются ли по берегамъ Восточнаго океана удобныя гавани, находящіяся въ связи съ Приамурскимъ и Приуссурійскимъ краями. По второму—гдѣ проходитъ наша граница съ Китаемъ.

Посланные Невельскимъ офицеры прекрасно выполнили возложенныя на нихъ порученія. Такъ, Орловъ, отлично знавшій тунгусскій языкъ, будучи командированъ для выясненія пограничнаго вопроса, вернулся въ началѣ 1852 г., опредѣливъ направленіе Хинганскаго хребта между южными источниками Уды и сѣвернымъ истокомъ р. Аргунь. Этимъ изслѣдованіемъ онъ фактически доказалъ, что Хинганскій хребетъ, принятый по Нерчинскому трактату за границу между Россіей и Китаемъ, направляется отъ истоковъ Уды не къ сѣверо-востоку, а къ юго-западу.

Мичманъ Чихачевъ изслѣдовалъ р. Амгунь, Горюнъ, а также морское побережье до залива Де-Кастри.

Лейтенантъ Бошнякъ проникъ на островъ Сахалинъ и изслѣдовалъ его.

Всѣ эти экскурсіи выяснили, что на побережьѣ Татарскаго пролива имѣются прекрасныя гавани, болѣе или менѣе связанныя съ бассейнами Амура и Уссури. Донося Н. Н. Муравьеву о дѣятельности Амурской Экспедиціи, Невельской заканчиваетъ свое донесеніе словами: „остаюсь увѣреннымъ, что при ходатайствѣ Вашего Превосходительства передъ Государемъ, моя экспедиція будетъ поставлена въ самостоятельное положеніе и ей будутъ даны средства,

[1]) Вахтинъ. „Невельской и Амурскій Край": Стр. 27.

тогда только можно утвердиться въ Краѣ и иностранцамъ заявить о принадлежности его Россіи".

Вполнѣ соглашаясь съ Невельскимъ, Муравьевъ сдѣлалъ представленіе о необходимости поставить экспедицію на прочную ногу, для чего, по его мнѣнію, необходмио проведеніе въ жизнь слѣдующихъ мѣропріятій: 1) назначить въ ея составъ роту флотскаго экипажа и полсотни казаковъ, 2) экспедицію поставить въ самостоятельное положеніе, снабдивъ ее провіантомъ и всѣмъ нужнымъ, независимо отъ Русско-Американской Компаніи. Въ Петербургѣ, благодаря проискамъ гр. Нессельроде, къ ходатайству отнеслись отрицательно. Въ скоромъ времени онъ получилъ категорическій отвѣтъ: «при постоянномъ желаніи Государя, чтобы въ распространеніи нашихъ сношеній съ чуждыми намъ доселѣ племенами Восточно-Азіатскаго Края соблюдалась крайняя осторожность и неспѣшность, предполагаемыя нынѣ Генералъ-Губернаторомъ мѣры при настоящихъ обстоятельствахъ признаются рановременными" [1]). Этотъ отказъ и петербургскія интриги произвели удручающее впечатлѣніе на Н. Н. Муравьева.

Насколько онъ душевно страдалъ, видно изъ слѣдующихъ словъ его письма къ дядѣ, Муравьеву Карскому: „переживу или нѣтъ будущую зиму—Богъ вѣдаетъ, а что гаснетъ священный огонь, то чувствую ежедневно" [2]).

Между тѣмъ Г. И. Невельской не унывалъ. Глубокій патріотъ шелъ твердо и неуклонно по пути изслѣдованія края. Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ Восточномъ океанѣ и боясь, чтобы крейсировавшіе тамъ англійскія суда не заняли Амура, Невельской доноситъ Муравьеву о необходимости занятія залива Декастри и с. Кизи, какъ пунктовъ, не-

---

[1]) „Военный сборникъ", т. X, стр. 180; Вахтинъ. Барсуковъ.

[2]) Сильницкій. „Архивные матеріалы"; Барсуковъ. Гр. Муравьевъ-Амурскій.

обходимыхъ для наблюденія за судами, приходящими съ юга.

Муравьевъ, вполнѣ соглашаясь съ нимъ, возбудилъ передъ центральнымъ правительствомъ вопросъ о необходимости занять заливъ Декастри, и объ осеннемъ сплавѣ по Амуру для укомплектованія морскихъ силъ въ устьѣ Амура.

Въ Петербургѣ снова, въ виду интригъ графа Нессельроде, отнеслись къ ходатайству Муравьева несочувственно. Муравьевъ въ скоромъ времени получилъ увѣдомленіе, что Государь Императоръ не утвердилъ его представленія.

Истинный патріотъ, жившій интересами своей страны, не останавливается на этомъ и, будучи вызванъ въ Петербургъ, по Высочайшему повелѣнію, снова подымаетъ вопросъ объ усиленіи Амурской экспедиціи.

Прибывъ въ Петербургъ въ 1852 году, онъ представилъ Государю Императору записку, въ которой со свойственной ему проницательностью изложилъ положеніе Восточной Сибири и политику Англіи на Востокѣ; въ заключеніе просилъ объ усиленіи Амурской Экспедиціи, занятіи Декастри и разрѣшеніи ему непосредственно сноситься съ китайскимъ правительствомъ. Результатомъ этой записки было разрѣшеніе (22 апрѣля) занять о. Сахалинъ, Декастри и с. Кизи.

Лѣто 1853 г. Муравьевъ провелъ за границей. Вернувшись въ Петербургъ, онъ принялся съ новой энергіей за рѣшеніе Амурскаго вопроса. Ознакомившись во время заграничной поѣздки съ политическимъ состояніемъ Европы, грозившимъ войной, Муравьевъ еще болѣе убѣдился въ необходимости безотлагательнаго сплава войскъ по Амуру для защиты Камчатки и устья Амура. Боясь за судьбу своихъ проектовъ, въ виду войны съ Турціей, Муравьевъ,

памятуя о благосклонномъ отношеніи къ нему Великаго Князя Константина Николаевича, представилъ ему обстоятельную записку. Подробно изложивъ истинное положеніе Амурскаго вопроса, онъ проситъ Его Высочество разрѣшить сплавъ войскъ по Амуру для защиты Камчатки и устья Амура.

Великій Князь отнесся весьма сочувственно и доложилъ Наслѣднику Престола. Послѣдній также вполнѣ согласился съ доводами Н. Н. Муравьева и доложилъ Императору. Муравьеву было Высочайше повелѣно представить донесеніе съ надлежащими данными и справками. Донесеніе было разсмотрѣно въ Особомъ Комитетѣ подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Престола. 11 января 1854 года было Высочайше утверждено Положеніе, согласно которому было разрѣшено сноситься съ китайскимъ правительствомъ непосредственно, о чемъ въ пекинскій трибуналъ былъ посланъ листъ, а самое главное, что разрѣшалось Муравьеву—это сплавъ по Амуру.

Довольный успѣшнымъ рѣшеніемъ вопроса, онъ спѣшитъ въ Иркутскъ. Прибывъ сюда, онъ прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы успѣшнѣе организовать сплавъ войскъ.

Вѣсть о сплавѣ по Амуру подняла настроеніе сибирскаго населенія. Прекрасно характеризуетъ это настроеніе протоіерей Нерчинскаго собора Боголюбскій: „во всѣхъ сословіяхъ Забайкалья при вѣсти объ Амурскомъ походѣ пробудились былыя воспоминанія объ отважныхъ подвигахъ Амурскихъ удалыхъ казаковъ, еще не умершихъ въ народной памяти; воскресли надежды на возвращеніе богатаго и плодоноснаго Амурскаго Края и Албазина; на лучшую будущность, на развитіе торговли и промышленности, при открытіи воднаго сообщенія съ океаномъ; Амуръ, это путь прямой изъ свѣта стараго къ свѣту новому“.

Всѣ спѣшили выразить симпатію этому дѣлу, со всѣхъ сторонъ посыпались пожертвованія. „Нѣтъ возможности, пишетъ Струве, выразить, какое было состояніе радости“.

Иркутскій милліонеръ Кузнецовъ пожертвовалъ болѣе двухъ милліоновъ на амурское дѣло.

20 апрѣля 1854 года Муравьевъ выѣхалъ изъ Иркутска на Шилкинскій заводъ. Масса народа провожала этого народнаго героя.

Въ с. Шилкинскомъ, благодаря неутомимой энергіи капитана 2-го ранга Казакевича, была снаряжена цѣлая флотилія.

14 мая былъ отданъ приказъ выступить въ походъ.

„Послѣ напутственнаго молебна, пишетъ Шумахеръ, передъ иконой Албазинской Божіей Матери и при салютѣ изъ древней Албазинской пушки, экспедиція отвалила отъ берега и пустилась въ дальній путь“.

18 мая Муравьевская флотилія вступила въ Амуръ, музыка заиграла „Боже, Царя храни“. Всѣ стали на лодкахъ, сняли шапки. Генералъ зачерпнулъ стаканъ амурской воды и поздравилъ всѣхъ съ началомъ плаванія по Амуру.

20 мая экспедиція уже была у Албазина. При приближеніи экспедиціи къ бывшей крѣпости музыка заиграла „Коль славенъ Нашъ Господь въ Сіонѣ“.

Почтивъ память героевъ, экспедиція двинулась дальше. 28 мая Муравьевъ уже былъ у китайскаго города Айгуня. Остановившись у устья рѣки Зеи, Муравьевъ послалъ увѣдомленіе амбаню[1]), что Генералъ-Губернаторъ, въ виду войны съ Европой, отправляется съ войскомъ для защиты приморскихъ владѣній. Амбань, видя множество вооруженныхъ людей и не будучи подготовленъ къ его встрѣчѣ,

[1]) Маньчжурское названіе должности.

выразилъ желаніе, чтобы русскій отрядъ поскорѣе миновалъ его городъ.

12 іюня пароходъ „Аргунь“ уже былъ у поста Маріинскаго, гдѣ въ это время былъ Невельской. Узнавъ, что Муравьевъ находится на пути къ Маріинску, онъ выѣхалъ навстрѣчу. Невельской доложилъ Муравьеву о положеніи дѣлъ на Амурѣ и Сахалинѣ.

Выслушавъ подробный докладъ Невельского, Муравьевъ рѣшилъ для защиты п. Петропавловскаго послать суда „Иртышъ“ и „Двину“ съ 360 солдатами; сотню же казаковъ и 2 горныхъ орудія оставилъ для защиты Декастри. Сдѣлавъ необходимыя распоряженія, Муравьевъ на шкунѣ „Востокъ“ прослѣдовалъ въ Аянъ, а оттуда въ Иркутскъ. Отсюда онъ немедленно командировалъ съ донесеніемъ въ Петербургъ полковника Корсакова.

Въ то время, когда на Амурѣ совершали свое великое дѣло Муравьевъ и Невельской, на Камчаткѣ самоотверженно работалъ первый камчатскій губернаторъ В. С. Завойко. Исторія сохранила о немъ память съ одной стороны, какъ о культурномъ дѣятелѣ на далекой окраинѣ, съ другой стороны—какъ о славномъ защитникѣ Петропавловска. Будучи губернаторомъ, онъ много заботился объ огражденіи туземнаго населенія отъ обмановъ русскихъ купцовъ, для чего торговлю поставилъ подъ контроль чиновниковъ. Много мѣропріятій было направлено и къ улучшенію сельскаго хозяйства и поднятію экономическаго благосостоянія населенія. Имъ былъ выписанъ молочный скотъ и розданъ населенію, выписаны также огородныя сѣмена, устраивались сельскохозяйственныя выставки, причемъ за лучшіе экземпляры выдавались награды, начато было проведеніе дорогъ.

Не менѣе славенъ онъ былъ и въ управленіи

военнымъ портомъ. Готовясь къ встрѣчѣ съ врагомъ, онъ выполнилъ такую массу работъ по части возведенія сооруженій, что даже враги изумлялись, какъ можно въ такое короткое время и съ такими ничтожными силами такъ много сдѣлать. Своимъ личнымъ примѣромъ онъ умѣлъ зажечь своихъ подчиненныхъ священнымъ огнемъ, и они работали, не щадя своихъ силъ. Когда стало извѣстно о разрывѣ дипломатическихъ сношеній съ Европой, Завойко издастъ весьма знаменательный приказъ: „Я пребываю въ твердой рѣшимости, какъ многочисленъ ни былъ-бы врагъ, сдѣлать для защиты порта и чести русскаго оружія все, что въ силахъ человѣческихъ возможно и драться до послѣдней капли крови; я убѣжденъ, что флагъ Петропавловска во всякомъ случаѣ будетъ свидѣтелемъ подвиговъ чести и русской доблести“ [1]).

Дѣйствительно, онъ не ошибся въ своихъ подчиненныхъ—геройской защитой Петропавловска они оправдали довѣріе своего любимаго начальника. 17 августа 1854 г. у входа въ Авачинскую губу показалась непріятельская эскадра. Небольшому гарнизону пришлось сражаться противъ грозныхъ непріятельскихъ фрегатовъ. 5 дней продолжалась героическая борьба, въ которой русскіе проявили удивительную стойкость и героизмъ. 24 августа утромъ непріятель открылъ сильный огонь и вечеромъ высадилъ десантъ. Русскіе, прекративъ ружейную стрѣльбу, бросились въ штыки. Рѣшительнымъ натискомъ непріятель былъ сброшенъ съ отвѣсной скалы. Понесши большой уронъ, непріятель удалился. Такъ славно кончилась защита Петропавловска. [2]).

---

[1]) Жданко. Рѣчь по случаю открытія во Владивостокѣ памятника В. С. Завойко въ 1908 году.

[2]) Н. В. Слюнинъ. Охотско-Камчатскій Край. Барсуковъ. Графъ Муравьевъ Амурскій. Фесунъ. Изъ записокъ офицера, служившаго на фрегатѣ „Аврора“.

Подробно и довольно правдиво описана Петропавловская побѣда и въ иностранной литературѣ. Une campagne dans l'ocean Pacifique; l'expedition de Petropavlovsk par Ed. du Hailly. 1858 г., т. XVI, книжка III.

Въ Петербургѣ съ нетерпѣніемъ ждали донесенія отъ Муравьева. Не успѣлъ Корсаковъ выйти изъ вагона, какъ получилъ приказъ немедленно явиться къ Наслѣднику, Великому Князю Александру Николаевичу. Явившись къ Наслѣднику, онъ подалъ донесеніе Муравьева. Цесаревичъ, читая докладъ Муравьева: „Мы стали твердой ногой на Амурѣ, я надѣюсь что никто у насъ не отыметъ“, поднялъ глаза на Корсакова и твердо сказалъ: „Да, ужъ надѣюсь“, а потомъ читая далѣе: „вся честь этого дѣла принадлежитъ Невельскому, Казакевичу, Корсакову“, —„а себя Муравьевъ забылъ“,—воскликнулъ Цесаревичъ. „Ему, ему вся честь. Завтра утромъ представлю васъ Государю“.

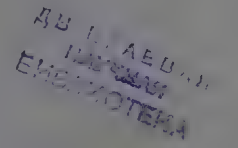
Послѣдній весьма милостиво принялъ Корсакова и нѣсколько разъ выразилъ благодарность за успѣшный сплавъ.

Такимъ образомъ, въ 1854 году Муравьевымъ и Невельскимъ при благосклонной поддержкѣ Императора Николая—Амурскій Край фактически былъ возсоединенъ безъ капли крови съ Россіей

18 февраля Императоръ Николай I умеръ. При его преемникѣ возсоединеніе Края было закрѣплено цѣлымъ рядомъ юридическихъ актовъ.

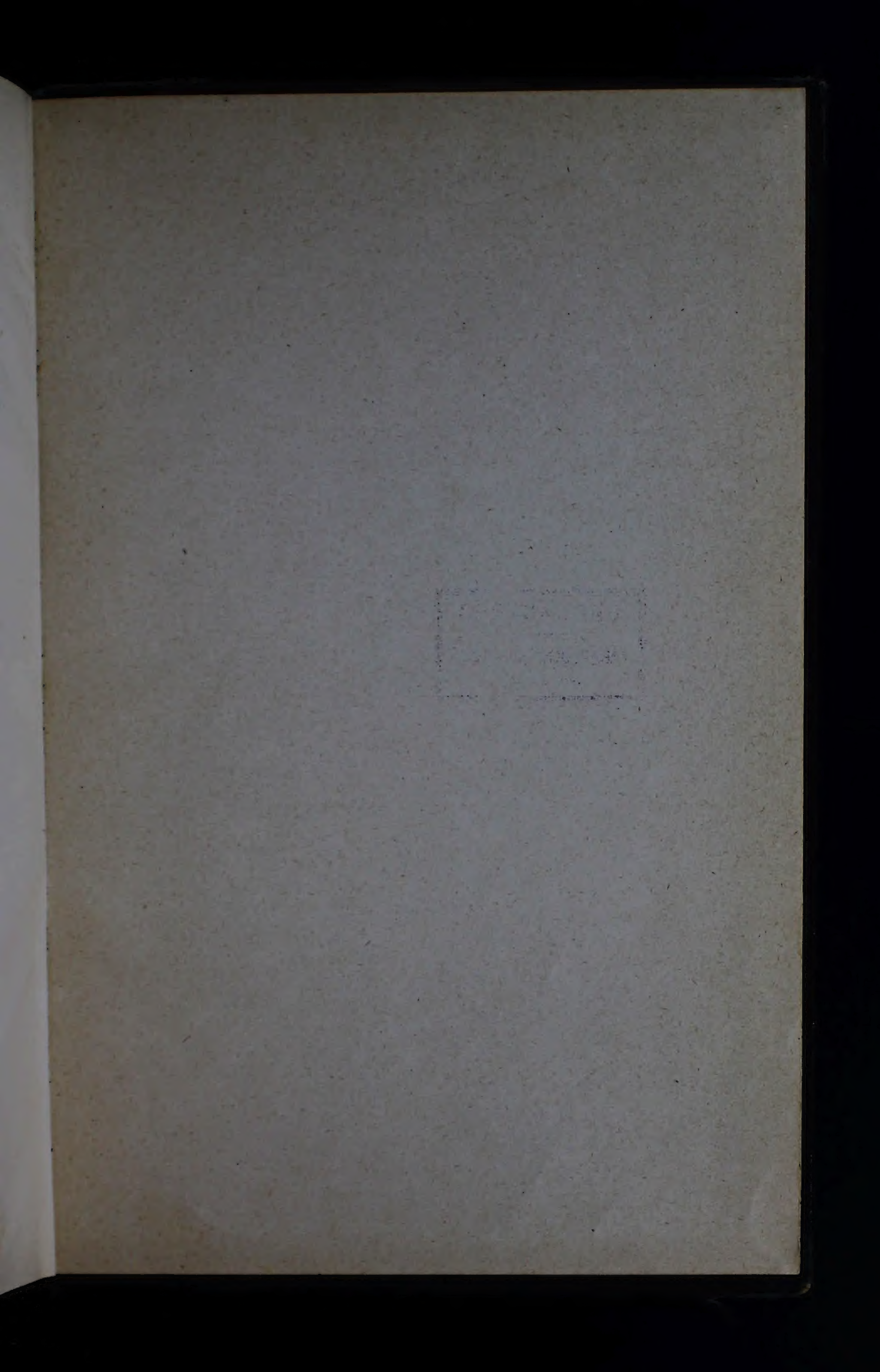
Л. Ульяницкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замеченные опечатки.

Страница	Строка (сверху)	Напечатано	Следует
88	23	Iokoyama	Iokogama
92	19	455	456
94	1	1918	1908
176	9	Савари А. И.	Савари А. М.

Зруб

